ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 57 (2440) Суббота, 17 июля 1948 г. Цена 40 коп.

ЖИВОТВОРНАЯ СИЛА СОВЕТСКОГО ПАТРИОТИЗМА

Каждый день приносит нам вести о новых и новых победах советских людей. Эти победы одерживаются в заводских цехах, на колхозных полях, на лесах новостроек, в лабораториях ученых, в мастерских художников. И в основе каждой из этих творческих побед — окрыляющая, животворная сила советского патриотизма.

На протяжении всей тридцатилетней истории советского государства любовь к великой социалистической Родине вдохновляла миллионы верных сынов народа на труд и на битвы, вселяла творческую энергию, рождала подвиги, удивляющие мир.

Страна Советов стала гордостью и надеждой всего прогрессивного человечества. Превосходство нашего общественного строя, нашей идеологии, нашей культуры над буржуазным строем, над растленной «культурой» современного капиталистического Запада стало сейчас очевидным для всех честных, передовых людей мира.

Сознание могущества нашей Родины, справедливости нашего дела и величия нашей мысли наполняет законной гордостью сердца советских патриотов.

«В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза. Советский патриотизм не раз'единяет, а, наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью. В этом надо видеть основы нерушимой и всё более крепнущей дружбы народов Советского Союза. В то же время народы СССР уважают права и независимость народов зарубежных стран и всегда проявляли готовность жить в мире и дружбе с соседними государствами. В этом надо видеть основу растущих и крепнущих связей нашего государства со свободолюбивыми народами» (И. Сталин).

Созидательная, творческая сила советского патриотизма противостоит сейчас разрушительным «теориям» буржуазных идеологов. Насаждая космополитизм, империалистические «крестоносцы» силятся идеологически замаскировать свои посягательства на национальный суверенитет свободолюбивых народов.

Более ста лет назад о космополитах с яростным гневом писал В. Г. Белинский: «Космополит есть какое-то ложное, бессмысленное, странное и непонятное явление, какой-то бледный, туманный призрак, существо безнравственное, бездушное, недостойное называться священным именем человека».

То, что Белинский мог еще с полным правом называть безнравственным, стало прямым преступлением перед человечеством теперь, когда Советский Союз стал оплотом мирового прогресса. Любовь к нашей Родине, уважение к ней — это сегодня неот'емлемые приметы каждого честного и свободолюбивого сердца, основа подлинного революционного интернационализма. Гнилой космополитизм стал оружием захватчиков, дымовой завесой поджигателей войны.

Отстаивая высокие идеи национальной гордости, мы тем самым отстаиваем уважение к суверенитету и независимости всех стран, мир и дружбу между народами.

А если тряхнуть любого из трубадуров буржуазного космополитизма, то непременно тут же обнаружится его расистское нутро, его фашистская сущность, алчное стремление к порабощению других народов.

Космополитической декламацией стремятся сегодня всяческие социал-предатели приукрасить свой незавидный удел лакеев, угодничающих перед хозяевами. «Теории» о том, что «наука не имеет границ» и что «вопросы приоритета не имеют никакого значения», на деле могут служить только врагу.

Мы должны яростно и непримиримо бороться против всех и всяческих проявлений космополитизма, всемерно разоблачать лживую и опасную демагогию поборников «безродности» науки и культуры.

Влияния космополитизма, еще гнездящиеся в среде литературоведов и филологов, сказались в недавнем споре, возникшем вокруг А. Веселовского.

В области естествознания классовая сущность подобных любителей «безграничной» и «надклассовой» фразеологии была с предельной наглядностью продемонстрирована, когда низкопоклонствующий ученый А. Жебрак попал в об'ятия махровейшего реакционера Карла Сакса и его компании.

В философской науке вредные космополитические идеи нашли своего поборника в лице тов. Б. Кедрова. Словно позабыв об основах ленинско-сталинского учения, он отрицает значение национального приоритета в науке.

Подобные явления несовместимы с национальной гордостью и честью, присущей советским людям.

Успех таких драматургических произведений, как «Великая сила» Б. Ромашова и «Закон чести» А. Штейна, превращение фамилии персонажа из «Великой силы» Милягина в нарицательную кличку космополита-низкопоклонника свидетельствуют о том, как гневно откликается вся советская общественность на любое проявление холуйства перед капиталистическим Западом.

Воспитание советской национальной гордости и пропаганда пламенного советского патриотизма, разоблачение враждебной сущности космополитического фразерства — это долг всей советской интеллигенции и одна из главнейших задач нашей литературы.

Создание произведений глубоко патриотических, утверждающих величие нашей Родины и правоту нашего дела, произведений, воспевающих советскую национальную гордость и честь, создание острых памфлетов, разоблачающих и клеймящих низкопоклонство, вскрывающих его враждебную суть, — таково благородное и насущное дело советского писателя.

Вперед и выше!

Завтра мы празднуем День Воздушного Флота СССР. Наша Родина — могучая авиационная держава. Наша авиация — любимое детище народа. Вся созидательная мысль, весь неиссякаемый героизм, все вдохновенное дерзание советских людей как бы воплотились в победоносной мощи наших крылатых армад.

Сталинской зовем мы славную советскую авиацию. Сталинскими соколами зовем мы наших доблестных авиаторов. Так народ выразил беспредельную любовь к тому, кто создал и выпестовал наш Воздушный Флот, кто превратил его в могучую и грозную для врагов силу. Вся история богатырского роста, стремительного технического прогресса, непрерывного совершенствования отечественной авиации, весь ее победный, героический путь связаны с именем великого Сталина.

Русским ученым издавна принадлежит приоритет в разработке важнейших проблем воздухоплавания. Гениальные открытия Жуковского, Циолковского, Можайского, о котором мы рассказываем в сегодняшнем номере, смелое новаторство таких замечательных героев, как Нестеров, намного опередили достижения зарубежных авиаторов. Но в условиях царского строя их творческая мысль, обогнавшая время, не находила широкого практического применения.

Только большевикам с их революционным размахом под силу было сделать прекрасную мечту былью, пробудить все творческие, созидательные силы нашего поистине крылатого народа.

В годы сталинских пятилеток советские люди создали мощную металлургию, машиностроение, моторостроение. Тем самым была заложена материальная база для роста и развития авиации.

Лучших сынов своих послала Родина в ряды сталинских авиаторов. В аэроклубах, в авиашколах, в воздушных академиях учились они высокому искусству пилота, штурмана, воздушного стрелка. Советские летчики, овладев передовой техникой, на отечественных машинах удивили мир небывалыми подвигами.

— Летать выше всех, быстрее всех, дальше всех! — этот сталинский девиз воодушевлял летчиков-патриотов и в дни мирного созидания и в дни сражений.

Великая Отечественная война показала всему миру могущество нашей авиации. Направляемые полководческим гением Сталина, движимые любовью к великому вождю, к партии, к социалистической отчизне, наши летчики показали чудеса храбрости, самоотверженности, мастерства.

Незабываем подвиг рабочего класса, чей самоотверженный труд обеспечил летчиков первоклассными машинами и вооружением.

Имена корифеев отечественного самолетостроения — Яковлева и Ильюшина, Лавочкина и Туполева, имена советских пилотов — великого летчика нашего времени Валерия Чкалова, Покрышкина и Кожедуба, Молокчего и Сафонова произносятся у нас с любовью и уважением.

Советский народ законно гордится боевой славой своих летчиков.

319 раз отмечались во время войны отличные боевые действия сталинских соколов в приказах Верховного Главнокомандующего.

2.100 летчиков, штурманов, воздушных стрелков удостоены звания Героя Советского Союза.

Около 200.000 воздушных воинов награждено орденами и медалями.

Огромны заслуги нашего Воздушного Флота перед отечеством. Но советские летчики, как это свойственно большевикам, не успокаиваются на завоеванном, не останавливаются на достигнутом.

Остановиться — значит отстать. Только неуклонное стремление вперед, только смелые поиски и вдохновенное дерзание приводят к творческой победе.

В послевоенные годы советские авиаторы неутомимо продолжают совершенствовать свое мастерство. Летчики Военно-Воздушных Сил, бдительно охраняя труд народа, надежно обеспечивая государственные интересы страны социализма, помнят, что лучшая гарантия безопасности — постоянная готовность, непрерывный рост могущества отечественного Воздушного Флота.

Авиационная наука за эти годы шагнула далеко вперед. Творческая мысль советских конструкторов неутомимо работает, завоевывая новые вершины, создавая самые современные типы самолетов.

Растет и совершенствуется культура производства. Подлинно творческий труд стахановцев авиапромышленности, новаторов, мастеров своего дела обеспечивает выполнение новых задач, стоящих перед авиацией в наши дни.

— Летать выше всех, быстрее всех, дальше всех! — этот девиз с новой силой окрыляет сегодня сталинских соколов.

Велико значение Воздушного Флота в восстановлении и дальнейшем развитии нашего народного хозяйства. Авиация давно стала серьезным транспортным средством, заняла видное место в борьбе за высокие урожаи колхозных полей, и стала верным помощником советских медиков.

Праздник сталинской авиации в нынешнем году ознаменован новым под'емом авиационной культуры нашей страны, широким распространением авиационных знаний в массах советского населения. Почетная и ответственная роль в этом большом государственном деле принадлежит созданному Всесоюзному добровольному обществу содействия авиации (ДОСАВ). На основе широко разветвленной системы своих организаций, через спортивную авиацию, парашютизм, планеризм, авиамоделизм ДОСАВ будет способствовать росту и укреплению нашего доблестного Воздушного Флота.

День сталинской авиации весь советский народ встречает с огромным под'емом. Славя своих крылатых богатырей, Родина говорит им в этот день:

— Вперед и выше!

РИМ.

Центральному Комитету Коммунистической партии Италии

ЦК ВКП(б) негодует по поводу злодейского покушения извергов человеческого рода на жизнь вождя рабочего класса и всех трудящихся Италии — нашего любимого товарища Тольятти.

ЦК ВКП(б) опечален, что друзьям тов. Тольятти не удалось уберечь его от подлого нападения из-за угла.

От имени Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

14 июля. *Иосиф СТАЛИН.*

Советский народ возмущен злодейским покушением на жизнь Пальмиро Тольятти

Силы демократии непобедимы

В Риме раздались злодейские выстрелы. Кто вложил в руки убийц террористическое оружие?

Кто сказал бывалым палачам, что они вольны опять надеть на себя черные рубашки Муссолини?

Итальянский фашизм слишком явно, слишком нагло поощрен всей послевоенной политикой мировой реакции. Ему было разрешено существовать. Сейчас ему уже приказано открыто действовать.

Выстрелы в Тольятти — это та «свобода», за которую усердно дрался американский доллар на последних выборах в Италии.

Выстрелы в вождей демократии — это «свобода по-американски». Доллар вооружает Европу, чтобы она расправлялась с движением европейских рабочих масс.

Италия муссолиниевских подонков осмелилась занести руку на Тольятти. Италия истинной демократии ответила на этот злодейский акт внушительной волной самозащиты.

Есть две Италии.

Италия предателей, трепещущих перед своим народом и стремящихся терроризировать его выстрелами из-за угла. И другая Италия — Италия, готовая стеной стоять за права народных масс и беспредельно любящая своих вождей, подобных Тольятти.

На стороне этой народной Италии — горячие симпатии всего прогрессивного человечества. Это — факт огромной исторической силы.

В страстных и благородных словах сочувствия вождю итальянских коммунистов Тольятти, Иосиф Виссарионович Сталин выразил отношение советского народа к событиям в Риме.

Мировая реакция не смеет безнаказанно творить свой произвол! Доллару не удастся поставить на колени европейские народы!

Конст. ФЕДИН

Мы негодуем!

Вождь рабочего класса и всех трудящихся Италии, генеральный секретарь ЦК итальянской компартии Пальмиро Тольятти ранен подлой рукой из-за угла.

Сообщение об этом злодеянии не может не вызвать возмущения и гнева у каждого советского человека.

Не имея сил приостановить неудержимый рост демократического движения в Италии, реакционеры пошли на преступление. Бессильные убить правду, эти пигмеи решили убить человека, говорящего правду народу. Но они жестоко просчитались! Нельзя убить правду, и нельзя обмануть народ. Трудящиеся Италии сумеют дать должный отпор организаторам злодейского покушения.

Я бывал в Италии. В 1935 году в составе группы советских инженеров я приехал в Милан на авиационную выставку.

Когда мы вышли с Миланского вокзала, шумливая привокзальная толпа прохожих, непостижимым образом узнавших, что приехали русские инженеры, встретила нас приветствиями. Проходя по живому коридору, мы со всех сторон слышали: «Русским привет!..» Такие же стихийные приветствия возникали в дальнейшем повсюду, как только простые люди узнавали, из какой страны мы приехали.

Тогда же мне пришлось быть свидетелем какого-то фашистского праздника. На площади перед Миланским собором собрались молчаливые люди, мрачно прослушали по радио речь своего «дуче» и разошлись. Особенно запомнились мне дикие эмблемы, которые несли 10—12-летние мальчики в черных рубашках, — голова змеи с раскрытой пастью, череп и скрещенные кости и т. п. Это выглядело отвратительно и очень мрачно. И зрители вдоль тротуаров наблюдали «праздничную» процессию также в сумрачном молчании.

Какие огромные изменения произошли с тех пор в Италии! Разгромлен итальянский фашизм. Международная реакция хочет его возродить. Но теперь реакция столкнулась с новой Италией, страной Народного демократического фронта, Италией почти двух с половиной миллионов коммунистов.

Эту новую Италию не удастся победить никому. Итальянский народ, знающий цену своей свободы, нельзя запугать никакими подлыми провокациями.

А. ЯКОВЛЕВ,
Герой Социалистического Труда

ПОДЛЫЙ ВЫСТРЕЛ

Я глубоко потрясен вестью о злодейском покушении на жизнь вождя рабочего класса и всех трудящихся Италии Пальмиро Тольятти.

Сравнительно недавно мне довелось встретиться с товарищем Тольятти на с'езде Национальной ассоциации партизан Италии и слышать его выступление. Полторы тысячи «гарибальдийцев» — участников с'езда, сражавшихся в горах Италии против немецких оккупантов, в едином порыве горячо и искренне приветствовали любимого вождя итальянского народа.

Здесь на с'езде и позже, во время поездки по Италии, мы убедились, что нет в этой стране более любимого и популярного имени, чем имя Пальмиро Тольятти. Это имя как бы олицетворяет всю коммунистическую партию Италии.

Наш Тольятти — так называют его повсюду. Во Флоренции и Генуе, в Турине, в Сиене, где восемнадцать процентов населения — члены коммунистической партии, мы не раз слышали, как простые люди, рабочие и крестьяне, с огромной любовью говорили о Тольятти — вожде демократических сил страны.

С'езд издольщиков в Сиене — с'езд бедняков-крестьян, арендующих землю и вынужденных отдавать в уплату за нее половину урожая, прошел под знаком единения вокруг коммунистической партии. Я присутствовал на этом с'езде. Все без исключения ораторы неизменно провозглашали в своих речах здравицы в честь коммунистической партии и ее руководителя Пальмиро Тольятти.

Помню митинг, состоявшийся в Болонье. На центральной площади — пьяцца Маджоре 30 тысяч человек слушали выступление мэра города коммуниста Фабиани. Самый воздух, казалось, был наэлектризован, когда оратор говорил о демократических свободах для народа, о создании подлинно народного правительства.

— Вива коммунисто! Вива Тольятти! — гремела площадь.

И вот злодейский выстрел из-за угла. Это — выстрел в сердце демократической Италии.

Только изверг рода человеческого мог посягнуть на жизнь мужественного борца за свободу народа!

Советский народ возмущен подлым нападением из-за угла на Тольятти. Мы полностью разделяем негодование, высказанное товарищем Сталиным в его телеграмме Центральному Комитету коммунистической партии Италии. Наши симпатии на стороне тех, кто сейчас с Тольятти, с народом Италии — на стороне Италии демократической, Италии, которую не покорить и не подкупить американским долларом.

От всего сердца желаю Пальмиро Тольятти скорого выздоровления!

С. КОВПАК,
дважды Герой Советского Союза

КИЕВ. (По телефону).

Идеи коммунизма нельзя убить

Как все это не ново. Не ново и омерзительно.

Перед лицом своего полного и окончательного банкротства темные силы реакции не останавливаются ни перед чем.

Всемирный стяжатель, это человекоподобное существо с хищной и тупой мордой выродка, ослепленный бессильной яростью, выкладывает на стол свои последние аргументы:

Пистолет. Яд. Веревка. Подкуп. Клевета.

Он выкладывает эти кровавые аргументы, потому что у него нет других.

Может быть, идеи?

О, да!

У этого зловещего собирательного существа с ненасытным брюхом вместо головы и с клоакой вместо сердца есть «идеи».

«Мой бог — золото. Я рожден для власти и наслаждения. Я буду властвовать и наслаждаться, а вы — все трудящиеся мира — будете на меня работать. Вы будете на меня работать до кровавого пота. Вы будете умирать от непосильного напряжения. Вы будете голодать. Вы будете болеть. Вы будете слепнуть, глохнуть. Но вы будете на меня работать. Вы будете моими рабами. Я люблю роскошь, — вы будете доставлять для меня эту роскошь. Вы будете доставлять мне самую утонченную и драгоценную пищу. Вы будете подавать мне лучшее в мире вино. Вы будете строить для меня умопомрачительные трансокеанские яхты и комфортабельные самолеты-люкс, чтобы я мог путешествовать. Вы отдадите мне самых красивых своих дочерей, ибо я похотлив и люблю прекрасных женщин. Вы будете создавать для меня прекраснейшие картины и симфонии. Вы будете для меня петь, ставить блистательные обозрения, одевать меня в лучшую одежду и охранять мое спокойствие. Вы это будете делать для меня и для моих наследников и для нескольких тысяч избранных. А если вы не захотите на нас работать, если вы начнете возражать, — я вас просто убью. Я считаю правильным убивать целые народы. Я вас убью потому, что в моих руках банки, полиция, наемные убийцы, яд, пистолет, веревка, кинжал...»

Вот его «идеи».

Всемирный стяжатель боится.

Несмотря на всю свою кажущуюся силу, он понимает, что дни его сочтены. Он уже фикция, он уже отработанный пар истории. И если еще сохранился яд в его жале, то это последний яд гадины, обреченной на смерть.

Перед ним стоит такая сила, в сравнении с которой он чувствует себя жалким пигмеем. Это сила мировой правды, мирового добра и справедливости. Это надежда человечества — коммунизм.

Они стреляют в коммунистов.

И вот — злодейское покушение на жизнь товарища Тольятти, вождя коммунистов Италии, верного сына своего народа.

Сердце кипит от негодования. Они хотят запугать. Нет, подлые убийцы, народы не запугаешь!

Нельзя убить коммунизм. Коммунизм бессмертен. И коммунизм победит!

Валентин КАТАЕВ

Лучший сын Италии

Я видел Пальмиро Тольятти лишь однажды. Но облик его и взгляд, проницательный, живой и одновременно озабоченный, вспоминаются мне всякий раз, когда в памяти возникает Италия, ее города, ее народ. Потому что Тольятти — это живое олицетворение трудящихся Италии, выразитель ее воли, чаяний, надежд.

В 1946 году в Милане состоялся массовый просмотр фильма «Клятва», устроенный общественными организациями города. Когда зажегся свет, к нам подошел невысокий, плотного сложения, уже немолодой итальянец. Это был Тольятти. Толпа тесно окружала его. Ближние старались подойти еще ближе, пожать руку; дальние становились на цыпочки, чтобы увидеть его, вслушивались, чтобы уловить его слова. Он сказал нам:

— Спасибо. Этот фильм — хороший подарок рабочим.

И точно откликаясь на звук знакомого голоса, в толпе раздались возгласы:

— Вива Тольятти!

«Вива Тольятти!» — «Да здравствует Тольятти!» — этот возглас любви, сердечной привязанности, уважения сопровождал его всюду, где он встречался с народом. А с народом он был всегда.

Можно сказать, что наша встреча с Тольятти произошла раньше, чем мы его увидели. В первые же часы пребывания в Италии мы услышали его имя. Книги Тольятти, его портреты — с ними встречаешься всюду: на улице, в заводских цехах, в жилищах рабочих, на страницах прогрессивных газет. Сколько раз, беседуя с итальянцами, мы видели улыбку гордости и надежды, с какой они произносили:

— Ностро Пальмиро! — наш Пальмиро!

Я вспоминаю поездку в Болонью. Задолго до в'езда в город мы увидели необычайное оживление на дороге. Люди ехали на велосипедах, на попутных грузовиках, шли пешком. Они спешили в Болонью. Там в этот день должен был выступить на митинге Тольятти. Увидеть его, услышать из его уст слово надежды — ради этого итальянцы шли и ехали за много километров.

Любовь народа окружает Тольятти. Предательский выстрел Палланте — это диверсия фашистских извергов против итальянского народа.

Гневом и возмущением отвечают народные массы всех стран на подлый фашистский выстрел в Тольятти.

Михаил ЧИАУРЕЛИ,
народный артист СССР

Праздник на Тушинском аэродроме

18 июля на Тушинском аэродроме в Москве состоится традиционный праздник в честь Дня Воздушного Флота СССР.

Вслед за исполнением Гимна Советского Союза, артиллерийского салюта из ста орудий, начнется воздушный парад. Его откроют самолеты Добровольного общества содействия авиации. Пролетая над аэродромом, они начертают в воздухе слова привета вождю советского народа: «Слава Сталину». Затем пройдут три самолета ПО-2. На головном из них развернется красное знамя, на двух других — авиационные флаги.

Программа авиационных спортивных упражнений пилотов ДОСАВ'а начнется полетом в положении «голова к голове» двух самолетов УТ-2. Одна из машин будет лететь вверх колесами.

Женщины-пилоты Рапенская, Бодрягина, Постникова, Шмелькова, Дриго продемонстрируют на самолетах ЯК-18 фигуры группового пилотажа — петли, виражи, бочки.

На смену им в воздух поднимутся 24 самолета УТ-2. За ведущей машиной летчика Павлова последуют летчики-спортсмены, овладевшие летным мастерством без отрыва от производства. Подойдя к аэродрому в кильватерном строю, самолеты, выполняя петли, образуют горизонтальную спираль — трудный и сложный вид высшего пилотажа.

Молодые мастера планерного дела летчики Каплун, Петров, Недашковский выполнят в воздухе сложные фигуры пилотажа высшего класса.

С аэродрома взлетит «вертолет», способный подниматься в воздух по вертикали с маленькой площадки. Машину пилотирует летчик Гуров.

Второе отделение парада откроется показом мастерства советских асов — летчиков Военно-Воздушных Сил. Прославленные пилоты страны продемонстрируют фигуры высшего класса на самолетах Лавочкина, реактивных самолетах Микояна, Гуревича, Яковлева. На пятерке реактивных самолетов Яковлева дважды Герой Советского Союза Савицкий и ведомые им Герои Советского Союза Середа, Храмов, Ефремов и майор Соловьев пройдут в строю «клин», как бы спаянные между собой. В этом же строю они выполнят серию фигур высшего пилотажа.

В «воздушном бою» девятка бомбардировщиков Туполева, сопровождаемая звеном истребителей, будет «атакована» восемью реактивными истребителями.

В заключительном третьем отделении покажут свое мастерство парашютисты — от одиночных пристрелочных, затяжных прыжков до выброски парашютного десанта в составе нескольких сот человек.

Праздник закончится полетом новых типов советских транспортных самолетов.

Предстоящий праздник отличается от предыдущих своей массовостью, разнообразностью и сложностью фигур высшего пилотажа.

Командиры производства — кандидаты наук

Энергетик московского металлургического завода «Серп и молот» тов. М. Старович получил недавно ученую степень кандидата технических наук. Тему его диссертации ему подсказала жизнь...

В мартеновский цех прибыли приборы для автоматического регулирования теплового режима печей, ускоряющие плавку стали. Однако освоение этих новых автоматов оригинальной конструкции было делом нелегким и требовало продолжительного времени.

Старович решил ускорить процесс освоения. Но это требовало гораздо больших знаний, чем те, что вынес он из института. И вот инженер стал регулярно посещать Московский энергетический институт. Пополняя свои познания на консультациях с академиком М. Кирпичевым, с членом-корреспондентом Академии наук СССР М. Михеевым, с профессором М. Вукаловичем, заводской энергетик проверял свои теоретические расчеты в мартеновском цехе завода.

Наконец, разработанный Старовичем новый метод использования автоматов был применен на практике. Почти сразу же эффект превзошел ожидания: количество плавок увеличилось со 184 до 360. Достигнута огромная экономия топлива и времени. А каждый сэкономленный час работы мартена — это 8—9 лишних тонн стали.

Первые результаты применения метода Старовича совпали с другим крупным событием в жизни инженера: он защитил диссертацию о режиме работы автоматов мартеновских печей.

Инженер Старович — не единственный работник «Серпа и молота», получивший ученую степень в процессе работы на заводе. Недавно защитил кандидатскую диссертацию и главный инженер Л. Марморштейн. Как и у Старовича, кандидатская диссертация Марморштейна была результатом его производственной деятельности.

Многие командиры производства готовятся к защите своих диссертаций и на других заводах страны. В частности, на Днепропетровском заводе им. Петровского будут защищать кандидатскую диссертацию две группы инженеров. Их консультируют профессора Металлургического института. На Нижне-Тагильском заводе в числе будущих кандидатов наук — директор завода Л. Вайсберг, главный инженер Е. Локшин, главный сталевар Е. Курский, заведующий лабораторией Слонин и другие. Темы диссертаций, которые им предстоит защитить, разработаны на заводе.

СЕРЬЕЗНЫЕ ОШИБКИ

О некоторых статьях в журнале „Вопросы философии“

Перед журналом «Вопросы философии» стоят важные, ответственные задачи. Журнал должен разрабатывать коренные проблемы нашей современности, освещать светом великого учения Ленина — Сталина созидательный труд советского народа, движение нашей страны к коммунизму, вести последовательную борьбу против всех видов и форм буржуазных влияний в области идеологии, утверждать высокую идею животворного советского патриотизма, последовательно разоблачая буржуазный космополитизм.

Выполняет ли эти задачи журнал?

Вышедший в свет третий номер «Вопросов философии» убеждает читателя в том, что редакция продолжает хранить странное молчание по самым коренным вопросам идеологической борьбы наших дней.

В журнале не напечатано ни одной сколько-нибудь серьезной статьи, освещающей проблемы советского патриотизма, разоблачающей явления буржуазного космополитизма и низкопоклонства перед культурой Запада.

Случайно ли безмолвие редакции по этому вопросу? К сожалению, не случайно. Оно целиком связано со взглядами главного редактора тов. Б. Кедрова.

В своей книге «Энгельс и естествознание» (1947 г.) Б. Кедров прямо заявляет, что он не считает «вопросы приоритета существенными для истории науки» (стр. 230).

Странно читать в книге советского ученого такое заявление. Отрицание важности вопроса о приоритете отечественной науки находится в глубоком противоречии с линией партии, с кровными интересами советского народа. Заявление Б. Кедрова оскорбительно для советских людей, справедливо гордящихся русским первенством в изобретении паровой машины, электрической лампы, радио, в создании первого самолета — огромным вкладом наших ученых в сокровищницу мировой культуры.

Отрицание важности приоритета в науке вытекает из общего нигилистического отношения Б. Кедрова к вопросам национальной культуры. Вот что говорил тов. Кедров:

«Игнорировать факт международного характера классовой борьбы и ее отражения в философии — значит жертвовать марксистским принципом классового анализа ради частичного удержания буржуазного принципа национальной самобытности и ограниченности развития философской мысли» («Вопросы философии», № 1, стр. 46).

Итак, понятие национальной самобытности, с точки зрения Б. Кедрова, является «буржуазным принципом»! Нет надобности доказывать, что это положение в корне противоречит учению Ленина — Сталина о национальном вопросе.

Исходя из своих космополитических взглядов, Б. Кедров развивает вреднейшую идейку о некоей абстрактной мировой науке, лишенной какой бы то ни было связи с родной почвой, с историей родной страны.

«Развитие мировой философской мысли, — говорит Б. Кедров, — а до 40-х годов XIX века это и было по преимуществу то, что называют западноевропейской философией, — следует рассматривать в первую очередь не по отдельным странам, а по определенным социальным эпохам. Ибо мировую философию, представляющую собой мысль человечества, нельзя представить как простую сумму отдельных национальных философий, развивавшихся более или менее самобытно, автономно одна от другой» (Там же, стр. 42).

Отрицание значения приоритета в науке, нигилизм в вопросе национальной самобытности культуры, пренебрежительное отношение к русской философии первой половины XIX века, игнорирование Ломоносова и Радищева как философов, апологетика единой «мировой науки» — вот какова сущность взглядов редактора «Вопросов философии».

Если бы эти порочные взгляды оставались частным достоянием Б. Кедрова, было бы еще полбеды. Но он пытается превратить их в теоретическую платформу, призывая нас не отвергать с порога «модные течения современной буржуазной философии».

В статье «Значение критики и самокритики в развитии науки» («Вестник Академии наук», № 2, 1948 г.) Б. Кедров пишет: «... по Ленину, критиковать даже современный махизм и другие модные течения современной буржуазной, реакционной философии нужно не путем отвержения их с порога, т. е. не путем об'явления их просто чепухой, глупостью, а путем разоблачения и отсечения всех их реакционных тенденций...» Эти рассуждения находятся в разительном противоречии со всем тем, чему учит нас Ленин.

В «Материализме и эмпириокритицизме» мы находим следующее указание: «Не вдаваясь в рассмотрение громадного количества оттенков неокантианства в Германии и юмизма в Англии, Энгельс отвергает с порога основное отступление их от материализма».

В том же своем классическом труде Ленин писал: «И имманенты, и эмпириокритики, и эмпириомонист спорят о частностях, деталях, о формулировке идеализма, мы же отвергаем с порога все основы их философии, общие всей этой троице».

Не ясно ли, что Б. Кедров грубейшим образом ревизует важнейшие положения Ленина по вопросу о нашем отношении к реакционной буржуазной философии! Ленин подчеркивает, что мы должны отвергать с порога измышления идеалистических мракобесов, а Б. Кедров уговаривает нас не отвергать с порога «модные течения современной буржуазной реакционной философии», находящейся в состоянии маразма и растления.

Тов. Кедров не впервые выступает с положениями, в корне противоречащими высказываниям Ленина. В своей статье «О ленинских тетрадях по философии» («Вопросы философии», № 2), повидимому, испугавшись резкости ленинских высказываний о Гегеле, проникнутых гневом и презрением к идейному противнику («Гегель прикрывает слабости идеализма», «Бога жалко!! сволочь идеалистическая!!», «Вздор! ложь! клевета!»),—Б. Кедров пофилистерски об'являет эти оценки лишь «непосредственной реакцией», а не выражением ленинского партийного отношения к идеалистической философии Гегеля. Об'ективистское «интерпретаторство» Б. Кедрова, произвольная оценка ленинских текстов были подвергнуты критике на страницах «Литературной газеты» (№ 40).

Однако эти критические выступления нашей газеты журнал обошел глубоким молчанием. Вместо того, чтобы реагировать на критику по такому важному вопросу, как обвинение в произвольном толковании ленинских текстов, редакция «Вопросов философии» предпочла уйти в иную сферу. Она решилась отвечать только на те критические замечания «Литературной газеты», которые относятся к проблемам физики. Однако и в этой области редакция допускает грубейшие искажения.

В третьем номере журнала опубликована редакционная статья «К дискуссии по статье М. А. Маркова».

В ней дается генеральное сражение «Литературной газете». Редакция взяла под свою защиту статью М. Маркова «О природе физического знания», опубликованную в № 2 журнала и подвергнутую критике на страницах «Литературной газеты». Редакция журнала пытается скрыть от общественности тот факт, что в спорах о философских высказываниях М. Маркова речь идет о коренных вопросах материализма, о той позиции, которую должны занимать наши ученые, пытающиеся философски осмыслить новейшие достижения физики. Речь идет о том, что некоторые наши ученые принимают идеалистические философские воззрения Н. Бора, Гейзенберга, Дирака и других западноевропейских теоретиков-физиков, вместо того, чтобы, овладевая всеми их физическими достижениями и открытиями, давать свой, диалектико-материалистический ответ на эти вопросы. Таково принципиальное существо спора.

В № 29 «Литературной газеты» была помещена статья проф. А. Максимова «Об одном философском кентавре». В ней автор, разбирая статью М. Маркова (напечатанную в журнале в дискуссионном порядке), доказывал, что М. Марков, в своей попытке философски осмыслить новейшие достижения физики, фактически проповедует философские воззрения Нильса Бора и в идеалистическом духе истолковывает известные тезисы К. Маркса о Фейербахе. Туманно упоминая о спорности некоторых положений М. Маркова и беря его статью целиком под защиту, редакция обвиняет А. Максимова в том, что он якобы исказил воззрение М. Маркова по вопросу о физической реальности. Разберемся в этом. Физик Нильс Бор в своей статье, на которую опирается М. Марков, утверждает, что реальность электрона не может рассматриваться вне взаимодействия его с прибором, что вообще нет смысла говорить об электроне вне этого взаимодействия, что электрон не обладает той же степенью реальности, какою обладают обычные тела.

М. Марков в своей статье пишет буквально то же самое. Как же иначе можно понять его утверждение, что «в квантовой физике прибор часто участвует в создании состояния частицы (подчеркнуто нами), придает ему тот или иной смысл — пространственно-временной или энергетический»?

То, что приборы человеческого познания участвуют в создании состояния частицы, — это факт. Но из него вовсе не следует, что прибор придает частице пространственно-временной или энергетический смысл. Приняв же последнее, приходится признать и то, что без прибора электрон не существует одновременно в пространстве и времени! Поэтому превращение указанного факта в гносеологическую посылку означает суб'ективно-идеалистическое шатание в основном философском вопросе!

М. Марков, по сути дела, извращает философское понятие реальности, включая в него, поскольку речь идет о микромире, взаимодействие микрооб'екта с прибором в момент измерения.

Возражая подобным философским путаникам, Ленин писал в «Материализме и эмпириокритицизме»: «Вопрос о существовании вещей вне наших ощущений, восприятий, представлений вы подменили вопросом о критерии правильности наших представлений об «этих самых» вещах, или точнее: вы загораживаете первый вопрос вторым».

Наличие взаимодействия прибора и микрочастицы, выражаемое математически в форме соотношения неточностей, не дает никакого основания к пересмотру философского понятия материи, к пересмотру основных принципов материализма.

Так обстоит дело с определением «физической реальности».

Итак, дискуссионный экскурс журнала «Вопросы философии» в область физики, как видим, оказался не слишком удачным. Видимо, чувствуя это, редакция решила взять реванш в области биологии. «Вопросы философии» выражают свое неудовольствие по поводу того, что «Литературная газета» печатает статьи по вопросам, «имеющим сугубо специальный, естественно-научный характер». Дескать, лучше было бы, если бы «Литературная газета» ограничилась только областью литературы. Повидимому, в этом случае редакция «Вопросов философии» чувствовала бы себя спокойнее.

Напрасно, однако, она полагает, что кардинальные вопросы теории познания представляют собою монополию узкого круга специалистов.

Стремясь во что бы то ни стало опорочить выступления нашей газеты по научным вопросам, интересующим широкие круги советской, в том числе писательской общественности, редакция журнала утверждает, что «Литературная газета» не смогла «провести толком дискуссию по вопросам дарвинизма».

Чем же вызвано такое недовольство журнала?

«Литературная газета» выступила против антипатриотического поступка проф. А. Жебрака, раболепствовавшего перед иностранщиной и опубликовавшего в американском журнале «Сайенс» статью, направленную против передовой советской науки. Проф. Жебрак солидаризировался с реакционными американскими «учеными» в оценке мичуринского направления в биологической науке.

«Литературная газета» выступила против антинаучных и консервативных взглядов представителей формальной генетики (И. Шмальгаузена, А. Формозова, С. Юдинцева, Д. Сабинина и др.), против эклектических взглядов так называемых «ортодоксальных дарвинистов» (Б. Завадовского и др.) — за глубокое, органическое проникновение метода марксистской диалектики в биологическую науку. В статьях, опубликованных в нашей газете, подчеркивалось, что «жизнь требует дальнейшего творческого развития дарвинизма», что у нас выросло многочисленное и многостороннее мичуринское направление в агробиологической науке и практике. Мы отмечали огромное теоретическое и практическое значение новаторских трудов гениального русского преобразователя природы И. В. Мичурина.

Казалось бы, кому, как не философскому журналу, подхватить поднятые в нашей газете вопросы и повести борьбу против реакционных противников мичуринского направления, против раболепия некоторых наших ученых перед буржуазной антинаучной генетикой, за дальнейший расцвет советской агробиологической науки!

Но, увы, все оказалось иначе. Журнал в этих вопросах ведет другую линию. В № 2 «Вопросов философии» (1947 г.) без всяких оговорок была опубликована статья акад. И. Шмальгаузена «Представления о целом в современной биологии». Эта статья являет собою образец схоластической, оторванной от жизни и от действительного развития науки, трактовки биологических проблем. Во всей статье нет ни одной ссылки на экспериментальные и фактические данные. «С материалистических позиций, — утверждает акад. И. Шмальгаузен, — проблема целостности в биологии сводится к изучению внутренних связей, их характера и значения в жизнедеятельности организма, их возникновения и преобразования в процессах развития и их роли в индивидуальном и историческом развитии организмов» (стр. 183).

Несмотря на отдельные оговорки автора, его взгляды, как видим, представляют собою типичную автогенетическую концепцию, сводящую весь вопрос об эволюции организмов к внутренним факторам развития. Известно, что согласно этой концепции отрицается направленное изменение природы растений и животных. Выраженная здесь точка зрения акад. И. Шмальгаузена связана со всей системой его взглядов. Вместо того чтобы разобраться в ней и дать решительный бой этим автогенетическим и идеалистическим воззрениям, редколлегия журнала «Вопросы философии» поднимает их на щит, печатая статью И. Шмальгаузена, как последнее слово науки.

Таковы серьезные ошибки журнала «Вопросы философии».

Н. ЧЕРЕМНЫХ,
инженер-подполковник

И. ШИПИЛОВ,
подполковник

Кто первый создал аэроплан?

Шестьдесят шесть лет назад, летом 1882 года, т. е. за 21 год до взлета аэроплана братьев Райт, около Петербурга, на военном поле, против бараков офицерской кавалерийской школы, произошло необычайное событие. Открылись ворота, и из двора, обнесенного высоким, глухим забором, выкатили для испытания воздухолетательный снаряд. Это был первый в мире аэроплан, созданный великим русским конструктором А. Ф. Можайским.

Александр Федорович Можайский родился 9 марта 1825 года в семье морского офицера. С 12 лет он учился в морском кадетском корпусе, где изучал астрономию, теоретическую механику, начертательную геометрию, геодезию, фортификацию, морскую тактику, теорию кораблестроения, корабельную архитектуру.

По окончании корпуса Можайский плавал на Балтийском, Белом, Северном морях, пересек Атлантический и Тихий океаны.

Плавая долгое время на парусных судах, Можайский исследовал законы движения воздушных масс. «Если мы найдем возможность, — писал он, — действовать против воздуха с такою же быстротою, с какою он обрушивается на нас во время бури, то мы получим тот же отпор, или ту же силу сопротивления, какую он высказал во время бури». Это приводит Можайского к убеждению, что реально возможно построить летательный аппарат. Тщательно изучив теорию и эксплоатацию паровой машины и гребного винта, Можайский пришел к мысли, что «...винт, быстро вращающийся в воздухе, врезываясь в воздух, ...находит в нем опору, идет вперед, как бы по твердой нарезке, и выказывает работу, подобную работе винта в воде».

Можайский принял дерзкое решение: строить аэроплан! Но осуществить этот необыкновенный замысел—значило совершить великий научный подвиг, так как никаких теоретических расчетов, никаких научных изысканий в распоряжении Можайского не было. Он оставил блестящую карьеру морского офицера и целиком посвятил себя своей мечте.

Тщательно изучает Можайский структуру и кинематику крыла. Подробно изучив весовые и аэродинамические данные голубя, он делает поразительное открытие, которое впоследствии составило основу теории полетов: «Для возможности парения в воздухе существует некоторое отношение между тяжестью, скоростью и величиной площади или плоскости, и **несомненно то, что чем больше скорость движения, тем большую тяжесть может нести та же площадь».**

Через двадцать восемь лет великий русский ученый Н. Е. Жуковский на основе глубоких теоретических и экспериментальных исследований в своем знаменитом труде «О присоединенных вихрях» обосновал природу возникновения под'емной силы и дал ее математическое выражение—знаменитую теорему Жуковского о под'емной силе.

Можайский смело экспериментировал, строил модели, неоднократно поднимался на них в воздух. Об этом имеются интересные свидетельства современников. В «Кронштадтском вестнике» № 5 за 12 января 1877 года была напечатана восторженная статья полковника Богословского об испытаниях моделей Можайского: «На-днях нам довелось быть при опытах над летательным аппаратом, придуманным нашим моряком г. Можайским. Изобретатель весьма верно решил давно стоявший на очереди вопрос воздухоплавания. Аппарат при помощи своих двигательных снарядов не только летает, бегает по земле, но может и плавать.

Быстрота полета аппарата изумительная, он не боится ни тяжести, ни ветра и способен летать в любом направлении. Так как фигура и двигатели аппарата составляют секрет изобретателя, то мы не вправе описывать их подробно; скажем только, что г. Можайский еще в 1873 г. пытался проверить свою мысль на практике, но по обстоятельствам мог исполнить это лишь летом прошлого года».

Работы Можайского рассматривала комиссия специалистов. В ее составе был Д. И. Менделеев. Комиссия полностью одобрила работы Можайского и указала, что он «в основание своего проекта принял положения, признаваемые ныне за наиболее верные и способные повести к благоприятным конечным результатам». Программа дальнейших изысканий Можайского была одобрена, ему было ассигновано 3.000 рублей для проведения опытов.

В архивах сохранились записи, делавшиеся Можайским в это время. Обосновывая возможность полетов, он пришел к таким важным заключениям:

«...Что же касается силы машины, то она должна быть наивозможно большая, так как только при быстром вращении винта может получиться быстрота движения аппарата, необходимая для разбега его по земле и для получения парения и, главное, для отделения аппарата от земли...»

Наконец, многолетние экспериментальные работы были блестяще закончены. Можайский передал министерству свое детище — проект первого в мире аэроплана! Вторая комиссия министерства состояла из немцев на русской службе. Они вздумали учить гениального конструктора и предложили ему сделать аэроплан с подвижными крыльями (!?). При этом в деньгах на постройку было отказано.

Можайский писал рапорты, но все просьбы его оставались без ответа. Он оставил службу и, собрав личные средства, приступил к постройке своего аэроплана на Русско-Балтийском заводе. Летом 1882 года аэроплан был готов, и состоялось его первое испытание на военном поле, в Красном Селе под Петербургом.

До сих пор нам еще не удалось точно установить день и продолжительность полета. Достоверно установлено только, что аэроплан Можайского оторвался от земли. Известны такие детали: снаряд весил 950 килограммов, для обеспечения взлета Можайский устроил деревянный настил.

Окрыленный блестящими результатами своего первого полета, Можайский с новыми силами принимается за дальнейшие улучшения конструкции. Однако внезапная смерть в 1890 году оборвала жизнь великого человека — Можайский не увидел торжества своих идей.

Аэроплан Можайского был продуманной инженерной конструкцией, построенной на основании тщательного теоретического расчета: он имел все необходимые составные части современного самолета, в то время как аэроплан братьев Райт имел только две части из пяти (фюзеляжа, хвостового оперения и шасси у него не было).

В общепринятую схему истории покорения воздуха, согласно которой первый самолет построили американцы — братья Райт, необходимо внести существенную поправку: **эта великая честь принадлежит талантливому сыну русского народа—Александру Федоровичу Можайскому.**

Наша страна является родиной аэроплана и, в частности, наиболее совершенной формы самолета — моноплана. Талантливейшие русские конструкторы Д. П. Григорович, А. Н. Туполев, В. М. Петляков, А. И. Путилов, Н. Н. Поликарпов, А. А. Архангельский, С. В. Ильюшин, А. С. Яковлев, С. А. Лавочкин, П. О. Сухой, А. И. Микоян и другие—вот кто блистательно развил идеи Можайского, вот у кого учились строить монопланы зарубежные конструкторы.

***

9 марта 1950 года исполняется 125-летие со дня рождения Александра Федоровича Можайского. Будем надеяться, что к этой дате наши историки соберут дополнительный материал о замечательном изобретении, которое положило начало современному самолетостроению.

Критик-трибун

К 80-летию со дня смерти Д. И. Писарева

Когда думаешь о Писареве, прежде всего поражает необычайная судьба этого выдающегося критика и публициста. Он прожил всего 28 лет, из них четыре с половиной года провел в заключении. В каземате Петропавловской крепости развернулась его литературная деятельность. Заключенный в четырех стенах, он умел оказывать влияние на умы своих современников; именно в этот период он стал властителем дум передовой русской молодежи.

Каким образом этот человек, в 22 года потерявший свободу, сумел сохранить живую связь с жизнью, напряженный интерес к ее событиям? Откуда черпал он свою неиссякаемую энергию, поразительную работоспособность, бодрость духа, силу и свежесть мысли? Поистине, Писарев был одарен не только огромным литературным талантом, но и редким мужеством характера. Его не могли сломить ни тоска одиночества, ни отсутствие широкой деятельности, к которой так стремилась его кипучая натура.

Сознание общественной пользы, которую приносили его статьи, поддерживало Писарева. «Мне представляется часто,—писал он из крепости, — что мою статью читает где-нибудь в глуши очень молодой человек, который еще меньше моего жил на свете и очень мало знает... И вот, когда мне представляется такой читатель, то мною овладевает самое горячее желание сделать ему как можно больше пользы, наговорить ему как можно больше хороших вещей, надавать ему всяких основательных знаний...» Это — голос честного литератора, литератора не только по профессии, но и по призванию. Писарев был прав: его статьи с увлечением читали, по ним учились и в столице, и в провинциальной глуши. Круг его единомышленников был очень широк. Не одно поколение русских литераторов и ученых испытало могучее воздействие Писарева.

В. И. Ленин, по словам Н. К. Крупской, в свое время много читал и любил Писарева. В сибирскую ссылку он привез среди фотографий любимых им писателей и портрет знаменитого критика.

Деятельность Писарева, одного из виднейших просветителей-шестидесятников, совпала с периодом исторических сдвигов в жизни России. Начав в 1858 году литературную работу в мелких журналах, Писарев вскоре примкнул к революционному лагерю русской журналистики. Быстро освободившись от либеральных иллюзий юношеских лет, он был захвачен волной общественного под'ема. В стране в эту пору складывалась революционная ситуация. «Оживление демократического движения в Европе, — писал Ленин, — ...распространение по всей России «Колокола», могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров, появление прокламаций, возбуждение крестьян... студенческие беспорядки — при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной. При таких условиях самодержавное правительство... не могло поступать иначе как беспощадно истребляя отдельных лиц, сознательных и непреклонных врагов тирании и эксплуатации...»

Писарев принадлежал к числу сознательных врагов самодержавной тирании, о которых говорит Ленин. Он был одним из самых непримиримых противников косности, застоя мысли, обветшалых форм жизни. На страницах журнала «Русское слово», который благодаря его деятельности сделался боевым органом демократической мысли, Писарев выступал, как достойный соратник Чернышевского.

В отличие от Добролюбова и Чернышевского Писарев не был последовательным революционным демократом. В его исторических и политических взглядах было много незрелого и ошибочного. И в то же время непримиримая ненависть к самодержавию, страстная патриотическая мечта о свободном будущем народа пронизывают лучшие произведения критика-публициста. Они дышат горячим протестом против реакции в политике, идеализма в философии, антинародного эстетства в искусстве. Уже в первой крупной своей работе «Схоластика девятнадцатого века» Писарев, открыто принимая сторону Чернышевского, яростно нападает на реакционеров, проповедующих гнилые идеи, «истлевший хлам», который, «как египетская мумия распадается в прах от движения воздуха». Он высмеивает либералов, тактика которых состоит в том, чтобы «отуманивать своих читателей книжной ученостью и отводить им глаза от живых идей, вопросов и интересов».

Ненависть Писарева к либералам особенно сближает его с великими русскими революционными демократами, считавшими борьбу против либерализма одной из главных своих задач. С щедринской меткостью Писарев называл либерализм «великой школой балансирования, мистификаторства и самоуверенного переливания из пустого в порожнее».

В большой статье «Генрих Гейне», обнаруживающей дальнейший политический рост критика, он обосновывает свой взгляд на проблему революции и искусства. Разбирая противоречия творчества Гейне, он критикует политический дилетантизм своего любимого поэта, осуждает его «эстетический» подход к революции. Гейне, по его мнению, недостаточно глубоко понимал благодетельное значение «насильственных переворотов» для судеб народа.

В этой статье Писарев высказал замечательную мысль о справедливости народной борьбы против угнетателей: «Тот народ, который готов переносить всевозможные унижения и терять все свои человеческие права, лишь бы только не браться за оружие и не рисковать жизнью, — находится при последнем издыхании. Его непременно поработят соседи или уморят голодной смертью домашние благодетели...»

Революционные взгляды Писарева укреплялись вместе с ростом общественного под'ема в стране. Встревоженное правительство все более активно прибегало к репрессиям. Писарев с горечью переживал запрещение передовых журналов — «Современника» и «Русского слова».

В 1862 году вышла из печати пасквильная брошюра, инспирированная правительством с целью подорвать в глазах русских читателей авторитет Герцена. Писарев немедленно выступил на защиту издателя «Колокола». Он написал революционную прокламацию, разоблачавшую маневры правительства и призывавшую русский народ к свержению самодержавия. Пламенные слова этой замечательной прокламации не дошли до народа: рукопись была обнаружена жандармами, и ее автора немедленно заточили в Петропавловскую крепость.

Весной 1867 года Писареву, только что вышедшему на свободу, довелось лично познакомиться с Тургеневым. Писатель до этого не очень жаловал Писарева. Он знал его как «нигилиста», автора нашумевших статей, в которых критик решительно развенчивал «старые литературные кумиры». После личного знакомства с Писаревым Тургенев сумел оценить его честность, ум и благородный характер. Он настолько стал считаться с молодым критиком, что, приехав из России в Баден-Баден, написал ему большое письмо с просьбой высказать мнение о только что вышедшем романе «Дым». Писарев ответил, что цензурные условия не дают ему достаточной свободы для того, чтобы высказать в печати суждение о «Дыме», и тут же прибавил, что роман его решительно не удовлетворяет. «Мне хочется спросить у вас, Иван Сергеевич, куда вы девали Базарова?.. Неужели же вы думаете, что первый и последний Базаров действительно умер в 1859 году от пореза пальца?.. Если же он жив и здоров, и остается самим собой, в чем не может быть никакого сомнения, то каким же образом это случилось, что вы его не заметили?» За несколько лет до этого Писарев бурно приветствовал появление тургеневского Базарова, героя «Отцов и детей». Но в новом произведении писателя не нашел отражения процесс дальнейшего развития Базарова, как общественного типа. И Писарев со всей прямотой сказал Тургеневу об этом недостатке романа.

Встреча Писарева с Тургеневым, завершившаяся этой перепиской, превосходно рисует личность и характер Писарева. Прямой, правдивый, принципиальный, бесконечно честный — таким Писарев был и в жизни, и в творчестве.

На его естественно-научных работах воспиталось немало русских ученых. Он был неутомимым популяризатором науки, одним из первых пропагандистов учения Дарвина в России. Он впадал в ошибку, когда склонялся к мысли о том, что успехи просвещения и расцвет науки могут сами по себе привести к революционному преобразованию общества. Но его мысли о практическом значении передовой науки, которая необходима для развития производительных сил страны, его активная пропаганда материалистического естествознания имели в условиях того времени глубоко положительное значение. Писарев понимал, что наука не выполнит своего высокого назначения до тех пор, пока она «не перестанет быть барской роскошью, пока она не сделается насущным хлебом каждого здорового человека, пока она не проникнет в голову ремесленника, фабричного работника и простого мужика...»

Сила воздействия статей Писарева была особенно велика благодаря тому, что он обладал блестящим литературным талантом, мастерством публициста, критика. Читать Писарева—огромное наслаждение.

Известно, что Писарев не сумел исторически правильно оценить наследие Пушкина. Борясь с реакционерами, прятавшимися за Пушкина, он принялся отрицать его значение, прибегая для этого к остроумным, но неубедительным доводам. Но роль Писарева в истории русской критики определяется не этими его односторонними и неверными статьями. Наиболее интересные его критические работы посвящены явлениям современной ему литературы.

Один из самых яростных противников теории «искусства для искусства», Писарев беспощадно осуждал поэтов, замыкающихся в свой крошечный уголок и принимающих его «за великий, богатый и разнообразный мир». Он называл «пигмеями» тех поэтов, которые «или не знают великих вопросов широкой, действительной, мировой жизни, или же не хотят их знать, прикидываются глухими и слепыми, чтобы оправдывать в своем собственном мнении свою канареечную жизнь и деятельность». Истинный поэт должен, по мнению Писарева, стоять на уровне передовых идей своего времени, должен быть человеком страстным, впечатлительным, отзывчивым, находящимся в гуще событий жизни. Он не может быть равнодушным к страданиям и нуждам народа, он пишет «кровью сердца и соком нервов», он льет в умы людей «целые потоки света и теплоты». Только такой поэт может быть учителем и воспитателем общества.

Нам близка великая любовь Писарева к труду, его ненависть к косности и рутине, его вера в жизнь и способность мечтать, не отрываясь от реальной жизни,—именно об этом вспоминал Ленин, когда незадолго до революции 1905 года в книге «Что делать?» мечтал о близкой народной расправе «с позором и проклятием» старой России.

Нам близка борьба Писарева за демократическую литературу, за новый тип писателя-гражданина, за высокую идейность творчества.

В. ЖДАНОВ

Имя критика названо не было...

Е. ПАНТЕЛЯТ,
преподавательница литературы
654-й школы Москвы

Книги советских писателей составляют повседневный круг чтения наших ребят, это — важнейший фактор идейного воспитания подрастающего поколения. Духовный багаж школьника, заканчивающего десятилетку, включает многие книги современной литературы, не вошедшие ни в какие «списки рекомендованных текстов».

Я имею возможность наблюдать, как возрастает интерес учащихся к современной литературе, изучение которой не укладывается в «урочные» часы, продолжаясь в диспутах, кружковых занятиях, беседах с учителем. У каждого школьника есть свой любимый герой, свой писатель-друг. И Чапаев, и Павка Корчагин, и Левинсон, и Олег Кошевой, и Зоя — все эти литературные образы помогают нашим юношам и девушкам в формировании их жизненного идеала.

Однако, когда я однажды спросила у своих учеников имена их любимых советских критиков, ответом мне было смущенное молчание. С трудом они назвали несколько случайных фамилий.

Я задумалась над причинами такого странного явления и решила поделиться своими мыслями на страницах «Литературной газеты».

Мне представляется, что в подобной непопулярности критиков у наших школьников виноваты прежде всего сами критики. Сравнительно редко появляются в наших газетах и журналах такие яркие статьи или рецензии, после которых возникла бы настоятельная потребность найти и прочесть книгу. Очень часто критики облегчают свою задачу простым изложением содержания, снабженным несколькими оценочными фразами. Это характерно, например, для статьи Ф. Левина о книге Г. Шторма «Флотоводец Ушаков» («Знамя», № 3, 1947). Статья того же Ф. Левина о книге Л. Скорино «Павел Петрович Бажов» состоит из сплошных цитат («Знамя», № 5, 1947), соединенных краткими примечаниями критика. Ф. Левин не показал главного — новаторского метода, сказавшегося в монографии. Л. Скорино сумела в своей работе передать самую динамику творческого роста Бажова. Ее исследование поэтому обращено не только к прошлому писателя, но и к его будущему.

В статьях Ф. Левина и во многих им подобных нет ничего принципиально нового, чего бы не мог разгадеть и не искушенный в литературе рядовой читатель. А между тем, важнейшая задача критики в том и состоит, чтобы показать черты нового, оригинальность и своеобразие каждого явления советской литературы, заносимого в ее положительный актив. Случается так, что о писателях, совершенно различных по характеру творчества и стиля, критик говорит одними и теми же штампованными абзацами.

В журнале «Новый мир» появилось несколько хороших, привлекающих внимание критических статей, как, например, статья Б. Яковлева, заставившая по-новому взглянуть на поэтическое наследие В. Хлебникова.

Очень много было «напущено тумана» вокруг этого имени. Трезвая оценка «хлебниковщины», прозвучавшая в статье Б. Яковлева, была более чем полезна: она была насущно необходима, так как в среде наших поэтов еще не преодолены до конца влияния формализма, а неверное понимание роли Хлебникова в процессе развития русской поэзии лишь затрудняло борьбу с этими влияниями.

В «Новом мире» я с интересом прочитала очень хорошую статью А. Тарасенкова «Космополиты от литературоведения». В ней очень точно и верно был сосредоточен огонь на эпигонах А. Веселовского, повторяющих зады дореволюционной буржуазной науки. Недавно в журнале «Большевик» (№ 9) была напечатана вдумчивая и содержательная статья А. Тарасенкова «Советская литература на путях социалистического реализма».

И потому особенно огорчительно было заметить ту печать поверхностности и спешки, которою был отмечен обзор поэзии за 1947 год, сделанный А. Тарасенковым в том же журнале «Новый мир».

Желая воздать «всем сестрам по серьгам», А. Тарасенков нередко ограничивается общими фразами в оценке конкретных произведений. Вот как, например, критик говорит о поэтической работе А. Софронова в 1947 году: «Заслуживает внимания и новая поэма Анатолия Софронова... В поэме глубокий, волнующий замысел. Это поэма о партии, о ее исторических путях, о ее победах. Но подобный замысел требует и большей широты охвата жизни и большей глубины в показе тех величественных явлений, о которых говорится в поэме, чем это мы находим сейчас (?) у Софронова».

Заметки А. Тарасенкова носят, к сожалению, протокольный характер, в них перечисляются отдельные эмпирические факты, но нет анализа тенденций и путей развития советской поэзии.

Откройте журнал «Знамя». Беда не в том, что отделы публицистики и критики там формально разделены (публицистический жанр имеет несомненное право на самостоятельное существование), но в том, что публицистика и на самом деле из'ята из критических статей и рецензий журнала, лишая многие из них боевого наступательного духа.

Я всегда с большим интересом читаю статьи Д. Данина, критика тонкого и вдумчивого. Но где тонко, там и рвется,— говорит пословица. Д. Данина увлекают часто извивы его критической мысли, и он оказывается в плену чисто литературных аналогий и ассоциаций. Ограничиваясь подчас эстетическим анализом, он не переходит от образа к прообразу, от героя книги к герою современности, от произведения к жизни.

В статье «Пути романтики» («Знамя», № 5, 1947) Д. Данин разоблачает романтиков-архаистов В. Шефнера и С. Маркова. Но его критика звучит приглушенно, потому что Д. Данин уклоняется от прямой и резкой политической квалификации отсталых настроений этих поэтов. Статья трактует о путях романтики в советской поэзии. Однако, как только речь заходит о романтике нашей действительности, о романтике революционной, так Д. Данин отделывается расплывчатыми, абстрактными определениями. В заключение следует традиционная отговорка: «Тут не место для подробного разговора об этом».

В программе средней школы фигурирует сравнительно немного имен виднейших советских писателей. Тем большее значение и для учителя и для учащихся приобретают те работы, в которых подмечены и обобщены характерные особенности и пути развития советской литературы. Однако таких работ очень и очень мало.

Недавно мой ученик, готовясь к докладу, попросил меня указать какую-нибудь книгу о творческом пути А. Фадеева. Надо было видеть его удивление, когда он узнал, что об этом крупнейшем советском художнике с творческим стажем в 25 лет не написано до сих пор ни одной книги.

Больше того, я не смогла рекомендовать учащимся какую-либо монографию о творчестве Маяковского. Лишь к юбилею этого лучшего, талантливейшего поэта нашей эпохи, восемь лет назад, вышло несколько книг, ныне в значительной мере устаревших и к тому же, в основном, носящих характер воспоминаний. И после этого — ничего!

Уже много лет советское правительство присуждает Сталинские премии за наиболее выдающиеся произведения литературы. Достойно удивления, что наша критика не сделала попытки проанализировать особенности, об'единяющие эти книги, показав на их примере вдохновляющую силу коммунистических идей.

Это относится и к отдельным писателям-лауреатам. Готовясь к сообщению о творчестве П. Павленко в связи с присуждением ему Сталинской премии за книгу «Счастье», я с изумлением обнаружила, что многолетний путь автора таких выдающихся романов, как «Баррикады», «На Востоке», «Счастье», не привлек внимания ни одного советского критика. Непростительное упущение!

Большую нужду испытывает учитель, да и не только учитель, в книгах по теории литературы, которые основывались бы на материале произведений советских писателей. Совершенно неправильно, что мерки и масштабы дореволюционной литературы применяются к анализу произведений литературы советской, самая поэтика которой обрела принципиально новые качества. Наши школьники оперируют застывшими, внеисторическими определениями «трагического», «сатиры», «эпопеи», «образа», равно прилагаемыми к Державину и Маяковскому, к Гоголю и Шолохову. Давно назрела необходимость в конкретных исследованиях по теории советской литературы.

«Учительская газета» и журнал «Литература в школе» мало помогают учителю, недостаточно популяризируют новые произведения советской литературы. Критические и библиографические статьи в «Учительской газете» появляются очень редко. Журнал «Литература в школе», интересуясь, главным образом, методическими проблемами, почти совсем не печатает статей о новых книгах советских писателей.

Возвращаясь к исходному вопросу о роли советского критика, хочется пожелать ему не итти за писателем, за книгой, а смело шагать впереди, указывая путь. Критик и писатель вместе созидают литературу, высокое назначение которой заключается прежде всего в ее благородной учительской миссии.

Еф. ХОЛОДОВ

К ИТОГАМ ТЕАТРАЛЬНОГО СЕЗОНА

Почему молчит профессор Лосев

1.

В «Великой силе»* вскользь упоминается о том, что профессор Милягин недостойно вел себя за границей. Нам, знающим уже Трофима Игнатьевича, легко в это поверить, но в чем именно сказалось его недостойное поведение, мы из спектакля так и не узнаем.

Правда, представить себе, как вел себя в заграничной командировке профессор Милягин, весьма нетрудно: примерно, так же, надо полагать, как профессор Лосев.

Впрочем, если вы не успели посмотреть пьесу Александра Штейна «Закон чести», премьера которой состоялась в самом конце истекшего театрального сезона в Московском театре драмы, — вы еще не знакомы с Сергеем Федоровичем Лосевым.

Советуем познакомиться, любопытнейший экземпляр из породы милягиных.

Внешне никакого сходства. Суховатый, замкнутый, подчеркнуто холодный Лосев, каким играет его Григорий Кириллов, совсем не похож на вечно улыбающегося, такого общительного и разговорчивого григорьевского Милягина. Трофим Игнатьевич сравнивает себя с колобком, — Сергей Федорович вот уж никак не похож на колобок. Милягин весь состоит из округлостей, Лосев — из острых и прямых углов. Милягин шутлив, Лосев ироничен. Оба они неискренни, оба актерствуют, но если Милягин разыгрывает этакого развязного янки, то Лосев смахивает на «респектабельного» англичанина.

Впервые мы видим Лосева в зале заседаний Академии медицинских наук. Он только что вернулся из заграничной командировки и отчитывается в поездке.

Стараясь ничем не выдать своего торжества, он спокойно, даже чуть-чуть иронически рассказывает о том, что известие об обезболивающем препарате Добротворского—Лосева произвело за океаном настоящий фурор. Ему и Алексею Алексеевичу Добротворскому присвоено «гонорис кауза» звание доктора в двух университетах.

Обо всем этом Лосев повествует сдержанно, с чувством собственного достоинства, без милягинского умиления. Но почему-то в самой этой сдержанности чувствуется что-то деланное, напряженное. Может быть, боязнь сказать лишнее?

— Даже печать Херста и Паттерсона—Маккормика, обычно клевещущая на все, что делается в Советском Союзе, — соизволила почтить нашу работу своим благосклонным вниманием...

Не правда ли, это «соизволила почтить» звучит вполне саркастически? Не правда ли, профессор Лосев дал вам почувствовать, что он вовсе не склонен переоценивать значение признания его заслуг реакционной американской печатью?

Сергей Федорович доволен: ему удалось, кажется, найти верный тон. Но внезапно его прерывает академик Верейский:

— И это настолько умилило вас, что вы решили уступить первенство советской науки американским фирмам? Как Исав Иакову — за чечевичную похлебку?

Общее движение. Шум. Голоса: «Что, что такое!», «Что он сказал?», «Почему?» Все взбудоражены,—все, кроме Лосева. Кириллов точно играет авторскую ремарку: «Лосев невозмутимо ждет, пока кончится шум».

Да, Лосев — это вам не Милягин. Тот бы возмущался или притворился бы возмущенным, об'яснялся бы, оправдывался, уверял, что «никто не умиляется». Лосев не таков, — он невозмутим.

Не соблаговолит ли академик Верейский об'яснить, что означает его реплика? Да, соблаговолит. В руках у Верейского американский журнал.

— Так вот, в этом журнале сообщается, что вы, профессор Лосев, из'явили намерение отдать рукопись с подробным описанием изготовления вашего препарата медицинскому издательству в Нью-Йорке... Насколько известно мне, книгу вашу вы еще в Москве не опубликовали, да и рано, насколько мне известно, ее опубликовывать. Я спрашиваю—достойно ли это советского ученого?

Лосев молчит. Верейский требует ответа:

— Почему молчит профессор Лосев? Вручил он американцам рукопись книги или нет? Почему он молчит?

Лосев молчит. Напрасно Верейский в гневе стучит кулаком по столу: «Говорите честно — да или нет?»

Честно? Но ведь это значит сказать... «да». Это значит примерно сказать так:

— Да, я, профессор Лосев, выучившийся на деньги советского государства, всем обязанный советской власти, передал описание важнейшего открытия американской фирме. Я сделал это вполне сознательно—перед от'ездом в Америку я тайно снял копию с рукописи, хранящейся в сейфе профессора Добротворского. Да, наш труд не опубликован еще в Москве. Ну и что же? Какое мне, Лосеву, дело до приоритета советской науки? Подумал ли я о том, что наше открытие может быть использовано американскими империалистами во вред моему отечеству? Нет. Я просто не думал о своем отечестве. Мне нужна слава. Если вас шокирует подобная откровенность, я могу предложить более благовидное толкование моего поступка. Наука, видите ли, принадлежит всему миру, и, в конце концов, безразлично, где и на каком языке будет впервые произнесено это новое слово науки,—важно, чтобы это новое слово было сказано. Я и сам знаю, что это не так, но если находятся люди, подобные моему коллеге Алексею Алексеевичу Добротворскому, которые верят в эту иезуитскую фразу, почему бы мне и не прикрыться плащом космополитизма?

Вот что должен был сказать профессор Лосев, но с видом оскорбленного достоинства он демонстративно покидает зал.

2.

Теперь мы уже знаем, что горделивая замкнутость и суховатость для него такая же маска, как для Милягина общительность и благодушие. Лосев предпочитает казаться загадочным, чем оказаться разгаданным. Самоуверенность Лосева, как и самодовольство Милягина, — блеф. Лосев, как и Милягин, не может чувствовать себя уверенным в обществе, этические нормы которого им нарушаются.

Лосев говорит Добротворскому: «Вы всегда думаете о людях лучше, чем они того заслуживают». Сам он видит в людях одних лосевых — завистников, честолюбцев и интриганов. Он не верит в их бескорыстие, ибо не знает, что такое бескорыстное служение народу. Беспринципный, он не может и не хочет признать принципиальности побуждений своих противников.

Противников? Да, если Милягин, как мы видели, не мог позволить себе роскошь иметь врагов, то Лосеву кажется, что он достаточно силен для того, чтобы принять бой за свое собственное благополучие.

На что же он рассчитывает? Быть может, на свои научные заслуги? Нет, на этот счет профессор Лосев вряд ли заблуждается. Кто-кто, а он знает, что доля его участия в открытии препарата не велика.

Послушаем, что говорят о нем:

— Бывший ученый.

— Он теперь не делает науку, а представительствует ее.

И даже Добротворский, желая подчеркнуть заслуги своего коллеги, говорит:

— Он высвободил меня для науки.

Да, Лосев давно уже перестал сеять,— он только жнет. Жнет — и только для себя; собирает плоды — и только в собственные руки.

Так на что же, в конце-концов, рассчитывает профессор Лосев?

В минуту откровенности он признается Добротворскому:

— Я предвидел, я все предвидел! Еще до от'езда в Америку... Я знал, завистники, — а у нас их много, — будут, как огня, бояться нашей мировой славы... она выбьет у них почву из-под ног. Я непрестанно думал об этом, и я... я принял меры самозащиты...

Мы уже знаем, в чем выразилась эта «самозащита»,—передача еще не опубликованной рукописи американской фирме, рекламная шумиха за океаном, звание, присужденное «гонорис кауза» в двух университетах...

В этом, если хотите, есть своя логика. В нашей социалистической стране нет такой силы, на которую мог бы опереться эгоист и карьерист. Он ищет эту силу за рубежом, в стане наших врагов.

Лосев изобличен. Суд чести сорвал с него маску и показал его истинное лицо.

— Сейчас начнется закрытая конференция, — говорит в самом конце пьесы профессор Добротворский, преграждая Лосеву вход в лабораторию, где они еще недавно вдвоем работали.—Посторонним вход воспрещен.

Лосев:

— Я не посторонний.

Добротворский:

— Нет, посторонний. Посторонний советской науке человек.

3.

Это очень правильно сказано. Это говорит Добротворский — тот самый профессор Добротворский, который так упорно брал Лосева под свою защиту, который не видел ничего дурного, ничего недостойного в поведении своего коллеги.

Добротворский заблуждался.

Этим, как будто, все сказано. Но, по существу, этим сказано еще очень мало.

Возникает вопрос: почему же он заблуждался?

Скажут: его ввел в заблуждение Лосев. Верно. Но ведь было что-то в самом профессоре Добротворском, что лишало его иммунитета, как говорят медики, перед бациллой космополитизма. Что же именно?

Аполитичность. Смолоду усвоенный пиетет перед иностранной наукой. Несколько гипертрофированное честолюбие. Ослабление связей с коллективом.

Тут-то и подоспел Лосев.

Добротворский наивно полагает, что он вполне самостоятелен и независим, когда с пафосом восклицает: «Государства имеют границы, наука их не имеет!»

Но ведь это — милягинская фраза. Это — лосевская фраза. Более того: это—интерпретация афоризма из американского журнала «Лайф»: «Наука не знает географических границ».

Разница заключается в том, что Добротворский искренно верит в это изречение, в то время как Лосев, не говоря уже о продажных писаках из «Лайфа», прекрасно знает, что это — обман чистейшей воды.

Звонкая фраза о «единой и неделимой» мировой науке, якобы не ведающей географических границ, представляет собою самую циничную ложь.

Такой науки нет и быть не может.

Омерзительные идейки космополитизма не могли бы рассчитывать на влияние в среде нашей интеллигенции, если бы не прикрывались идеями интернационализма. Нам надо решительно срывать эту маску и обнажать перед народом подлинное предательское лицо буржуазного космополитизма. Проникновение идей космополитизма — это не что иное, как вражеская идеологическая диверсия. Утверждения, что, дескать, неважно, где именно сделано открытие, неважно, где оно будет впервые опубликовано, неважно, за кем останется приоритет, — об'ективно на руку только вражеским соглядатаям и шпионам.

Честь, достоинство, патриотический долг требуют от наших ученых бдительной охраны приоритета советской науки. «Закон чести» очень наглядно и убедительно показывает, к чему может привести доверие к космополитическим приманкам.

Лосев никогда не посмел бы сказать Добротворскому: «Что нам, дескать, Алексей Алексеевич, заботиться об интересах государства, позаботимся лучше о самих себе!» Нет, он говорит иначе: «Поймите, Алексей Алексеевич, оттого, что мы с вами мировое признание получим, государство наше не проиграет, а выиграет».

Он умалчивает, что это «мировое признание» будет куплено ценой утраты приоритета советской науки. Он умалчивает о том, что открытие Добротворского—это не только лекарство, но и оружие. Он умалчивает о том, что это открытие, попав в руки торгашеских и империалистических кругов, может быть использовано в ущерб нашему государству.

Все это Добротворский понял позже.

Суд чести открыл ему глаза на многое. Он понял, что такое профессор Лосев. Он понял и прочувствовал, как глубоко и пагубно заблуждался проф. Добротворский.

В пьесе кто-то говорит о Добротворском: «Это не человек, а явление». Театр, кажется, опустил эту реплику, и правильно сделал. В спектакле Добротворский, каким его играет Александр Ханов, не некое отвлеченное явление, а живой, настоящий человек. Точнее: именно поэтому театру и удалось обнаружить явление, что он сумел правдиво и убедительно показать человека.

Обращение к животрепещущим темам современности, смелое раскрытие реальных жизненных противоречий, воинствующая идейность, — вот что решило успех пьесы и спектакля.

* См. статью «Милягин и другие», «Литературная газета», № 56.

Б. БРАЙНИНА

ИТАК, ИДЕТ ВЕСНА!

В повести Георгия Гулиа «Весна в Сакене»* показана щедрая, радостная молодость народа, новый, высокий созидательный под'ем, который охватил после войны всю нашу страну. Эта очень цельная, умная, веселая и поэтичная книга написана о новой сталинской пятилетке, о советских людях, выросших и возмужавших на фронте и в тылу во время войны.

Георгий Гулиа — сын Дмитрия Гулиа, основоположника молодой абхазской литературы, — пишет по-русски. Это одно из многих и разнообразных проявлений прекрасной и неразрывной связи, существующей у нас между всеми национальными культурами, возглавленными многовековой богатейшей культурой русского народа и впадающими в общее русло великой и многогранной культуры социализма.

В русской литературной речи Георгий Гулиа умеет искусно передать своеобразный национальный характер своего народа. Он умеет передать и строй речи своих героев-сакенцев, и пламенную страстность характеров, и доброжелательное лукавство их улыбки, и неистребимую жизнерадостность. В веселом, образном сказе мы угадываем корни, уводящие нас к абхазскому фольклору; необычная красота пейзажа напоминает нам о том, что поэтическое зрение автора воспитано было на щедрой красоте абхазской природы.

Высоко, высоко в горах, в северо-восточном углу Абхазии находится небольшое село Сакен. С севера, запада и востока путь на Сакен ограждают крутые горы, с юга — девять перевалов и восемь бурных рек. Неприступен Сакен, жители его редко покидали свое горное гнездо, и к ним еще реже прибывали гости из долины. В конце 90-х годов прошлого века некий поручик Стуков, уездный чиновник, решив, что из-за жалких грошей сакенских крестьян не стоит пересекать девять перевалов и восемь рек, вычеркнул Сакен из списка сел, как вовсе не существующий.

В те далекие времена прибыл в Сакен из Сухуми человек, больной чахоткой. Он «в беседах нехорошо отзывался о царе и князьях — хоть уши затыкай. Верно, был он горд и неподатлив и теперь расплачивался за свою непримиримость». Человек этот обратил внимание на сероватую скалу вблизи села и начал уговаривать крестьян посыпать землю пылью этой скалы. Но никто его не послушал. Когда он умер, среди его вещей была обнаружена рукопись, озаглавленная: «Естественные фосфориты в местности Сакен». Рукопись пошла на курево, но первый ее лист долго красовался на стене одного из сакенских домов, прикрывая щель в стене. Сын хозяина этого дома, парнишка Кесоу Мирба, — главный герой повести, — выучил наизусть все, что там было написано. И зерно, брошенное в землю рукой неизвестного человека, дало богатые всходы.

Такова вводная часть повести.

Вследствие своего географического положения, Сакен и после революции не сразу зажил по-новому. Но в советской стране нет больше обездоленных, заброшенных закоулков. Затерянный в горах Сакен постепенно приобщался к советской культуре. Перед самой войной решено было проложить дорогу через непроходимые горы и бурные реки, а в самом селе собрались строить электростанцию.

Война отсрочила исполнение этих планов. А вместе с ними не выполненным остался и план сакенца Кесоу Мирба о новом удобрении земли фосфоритами. Но и на передовой линии фронта продолжает он мечтать о прерванном мирном труде. Его мысли часто уносятся к необычной скале, таящей в себе фосфориты в естественном виде, которые должны сделать рыжую землю Сакена (сплошной краснозем с песочком) щедрой и плодородной. По окончании войны Кесоу ехал домой; лежа на верхней полке вагона, он слышал, как бывалые воины разговаривали не о прошлом, а о будущем. О будущем думал и Кесоу.

В родном селе Кесоу встречают друзья-сакенцы: тут и сестра Нина, и ее подружка Кама, и талантливый парень Смел, который добыл «городской свет» и сумел сам построить небольшую электростанцию, и еще другие — отличные, задорные и пытливые люди. Радостно и весело обменяться с ними опытом, заветными думами. Но есть еще в селе люди, прикрывающие собственную отсталость почитанием дедовских обычаев: Адамур, Рашит, Антон.

Однако таких людей мало. Со свойственным Георгию Гулиа тонким, лукавым и веселым юмором в повести показана вся несовместимость с новой жизнью отживших обычаев и нравов. Лучшие национальные традиции, сочетавшись с новыми социалистическими чертами, дали тот драгоценный сплав, который отлично показал своему читателю Георгий Гулиа, раскрывая характеры своих замечательных земляков-сакенцев. Гулиа очень точно умеет отсеивать от истинных традиций мнимые; от исконных национальных черт отделять отжившие предрассудки. Потому-то он и высмеивает напыщенную декламацию «настоящего джигита» Рашита, потому умеет так весело оставить в дураках ту компанию, которая под видом верности дедовским обычаям решила воскресить обряд «умыкания невесты».

Георгий Гулиа умеет изобразить сегодняшний день нашей жизни, ту высокую ступень сознания, когда, не удовлетворяясь уже достигнутым, люди ведут борьбу за лучшее, за самое передовое. Некогда заброшенный Сакен показан в повести в пору чудесного своего социалистического расцвета. Это как бы символ всей Абхазии, которая в братском союзе со всеми советскими народами пришла к великолепному и стремительному под'ему.

Мы знаем, что десятки абхазских колхозников в числе других колхозников нашей страны получили почетное звание Героя Социалистического Труда. На всю страну прозвучали имена В. Аршба, Д. Ригвава, Т. Тарба и многих других, собравших рекордные урожаи со своих полей.

Колхозники, колхозницы, работники МТС и совхозов и специалисты сельского хозяйства Грузинской ССР писали товарищу Сталину: «В 1947 году продукция основных отраслей многообразного сельского хозяйства Грузинской ССР превзошла показатели предвоенного 1940 года.

Окрыленные достигнутыми успехами, мы вступили в 1948 год с твердой решимостью добиться новых, еще более значительных побед в деле развития ценного для всего Советского Союза сельского хозяйства Грузинской ССР...»

Эти живые человеческие документы невольно вспоминаются, когда читаешь повесть Георгия Гулиа «Весна в Сакене». По-новому воспринимаются сухие цифры, факты, имена: они приобретают конкретное очертание художественного образа. Мы узнали Ригвава, Аршба, Тарба — ведь это духовные братья главного героя повести Кесоу Мирба. Его борьба за высокий урожай — общая борьба их всех. Если Ригвава собрал 136,3 центнера кукурузы с гектара, то не меньше возьмет и Кесоу. Неутомимое стремление вперед, неиссякаемая пытливость, настойчивость и бесстрашие — замечательные черты характера советских людей — из книги переходят в жизнь и из жизни в книгу.

Кесоу Мирба хочет итти вперед вместе со всей страной, стремится не отставать от могучего движения советского народа к коммунизму, не отставать ни на один день, ни на один час. Обработка, уход за полем, своевременный сев, пахота, прополка — все это делается со старанием, с душой, все обещает хороший урожай. Но этого мало неугомонному созидателю, он стремится к большему и лучшему; он хочет, чтобы сакенская скала Милосердия стала скалой Плодородия. Это не легко. И на пути преодоления трудностей жизнь выдвигает ряд конфликтов. Не все одинаково остро чувствуют новое.

Константин, друг Кесоу, тоже передовой человек, он стремится к высокой урожайности, мечтает о процветании Сакена, но Константину нехватает прозорливости, энергии, он чрезмерно медлителен и осторожен, и оттого, удерживая Кесоу от решительных действий, предлагает не горячиться, подождать с обработкой скалы.

Кесоу направляется в город, чтобы сделать химический анализ состава скалы. Весной дороги почти непроходимы, и путешественник рискует жизнью. Но Кесоу мужественно вступает в борьбу с природой. С заветным мешком за плечами, с мешком, в котором находился размолотый кувалдой и превращенный в серую землю обломок скалы, он пять суток идет и идет через горы, перевалы и реки... Он приходит к заветной цели. И когда секретарь райкома обещает Кесоу двигатели, шаровые мельницы для размалывания фосфоритов, — счастливее его нет на свете.

Секретарь райкома партии Александр Иванович говорит Кесоу Мирба: «Большевистский дух всюду проникает, через все горы, перевалы и реки. Взгляните сюда, — Александр Иванович подводит горца к карте.—Вот Советский Союз. Огромная, сильная, мировая держава. А вы—ее частица. Живите и работайте так, словно живете и работаете в Москве, рядом со Сталиным». Это высокое и счастливое чувство близости к Сталину не покидает и Кесоу Мирба и других простых советских людей. Оно, это чувство, обостряется в наиболее трудные, решающие дни их жизни, когда необходимо собрать все духовные и физические силы, когда необходимо устоять, выполнить, победить. Личные переживания Кесоу и его друзей воплощают в конкретных и волнующих образах величайшую тему современности — тему могучего братства советских народов, идущих к коммунизму под водительством великого Сталина.

Георгий Гулиа ведет повествование легко, свободно, часто непринужденно и весело разговаривая с читателем от первого лица. Все действие повести происходит на фоне легкого, щедрого и нежного весеннего пейзажа. «Да, друзья мои, — восклицает автор, — я люблю Сакен весною, люблю особенной любовью, может быть, потому, что именно весною кажется он мне таким молодым и полным сил».

Пейзаж Георгия Гулиа написан новаторски; в нем нет и следа созерцательности, любования и покорности извечным законам земли, нет священного трепета перед тайнами природы. В повести «Весна в Сакене», как и в подлинной, окружающей нас действительности, человек не желает потакать природе, не желает брать у нее подачек, ибо он требователен и силен. Он идет к природе, как победитель и поэт, неутомимый открыватель нового. Он научился бесконечно умножать щедрость природы и направлять ее силы на радость и счастье людей. Вот почему эта пейзажная лирика неотделима от поэзии человеческих характеров. «Я придвигаю к себе этюдник, и вот я вижу на фоне сакенского пейзажа Кесоу... Он стоит перед скалой, словно желая померяться с ней силою. Этот своего добьется! Ну, может быть, парень преувеличил малость, погорячился насчет тысячи пудов. Но пусть меньше, а урожай все-таки будет невиданный!..»

Повесть Гулиа заканчивается словами: «Итак, идет весна, и Сакен живет и здравствует!».

И мы благодарны этой книге за то, что от нее и впрямь повеяло на нас весною великого послевоенного созидания, новой весной одного из непобедимых и вечно молодых народов великого Советского Союза.

* Георгий Гулиа. «Весна в Сакене». «Новый мир», № 5, 1948.

Я. МИРОВ

Пальмиро Тольятти

Как всегда, товарищ Сталин высказал мысли и чувства советских людей.

14 июля, в тот же день, когда в Москву пришло сообщение о покушении на генерального секретаря Коммунистической партии Италии Пальмиро Тольятти, товарищ Сталин отправил в Рим Центральному Комитету Коммунистической партии Италии телеграмму. От имени Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза товарищ Сталин выразил негодование по поводу злодейского покушения извергов человеческого рода на жизнь вождя рабочего класса и трудящихся Италии — нашего любимого товарища Тольятти.

Так именно чувствуют и думают все советские люди. Весть о покушении на товарища Тольятти болью отозвалась в сердце каждого из нас, подняла огромное чувство негодования против злодея и против тех, кто направлял его руку. И в то же время у каждого из нас невольно мелькнула мысль: как же это так? Как не уберегли такого человека?!

Сквозь очки смотрят на собеседника умные, пытливые глаза, время от времени озаряемые тонкой усмешкой. Иностранные корреспонденты, встречавшие Тольятти в Риме, обычно подчеркивали, что он похож на ученого. Да, его можно считать ученым. И не потому, что он окончил с отличием университет в Турине, где получил звание доктора филологических и философских наук, а потому, что всю свою сознательную жизнь — Тольятти теперь 54 года — он отдает тому, чтобы сделать достоянием рабочего класса и трудящихся Италии учение Ленина—Сталина, наиболее успешно применить его на практике. Он прошел суровую школу пролетарского революционера, сидел в фашистских тюрьмах. Будучи занят решением больших политических проблем, он вместе с тем считал своей самой большой и важной задачей редактирование переводов сочинений Ленина и Сталина на итальянский язык.

Тольятти — ученый, потому что он великий революционер. А подлинный революционер, организатор миллионных масс, не может не быть ученым. Аудитория Тольятти не замкнута четырьмя стенами. Сотни тысяч людей слушают его на площадях Рима, Милана, Турина, Неаполя, миллионы читают его пламенные статьи в коммунистической печати.

Тольятти — итальянский патриот. И в то же время он пролетарский интернационалист. Врагам этого не понять, как не понять им того великого поворота, какой совершает ныне все человечество к коммунизму. В каждой большой своей речи он со страстной любовью говорит о России, стране победившего социализма, о Сталине. Он не перестает напоминать народу Италии, что только дружба с Советским Союзом обеспечит ему подлинно независимое существование и продвижение вперед, по пути настоящего прогресса.

10 июля, за три дня до покушения на Тольятти, в итальянской палате депутатов обсуждался вопрос о ратификации итало-американского соглашения по «плану Маршалла». Депутаты реакционного большинства старались подчеркнуть свое равнодушие и пренебрежение к выступлениям ораторов прогрессивно-демократического лагеря. Они открыто демонстрировали, что сколько бы здесь ни раздавалось возражений против капитуляции перед американским империализмом и как бы правильны и разумны ни были эти возражения, — все равно ничто не поколеблет их мнение. И все же Тольятти взбудоражил «стоячее болото» правительственного большинства. Уже с первых его слов оно насторожилось. Тольятти говорил о том, что демократический лагерь во главе с Советским Союзом борется за мир, за прогресс и демократию. США во главе империалистического лагеря готовят новую войну. Италию хотят превратить в плацдарм антисоветской войны. Растерянность и замешательство наступили среди депутатов большинства, когда Тольятти под бурные аплодисменты левых депутатов заявил:

«Нам, коммунистам, чужды легкомыслие и беззаботность. Когда мы говорим о войне, мы знаем, что говорим о серьезных вещах, и знаем, в чем состоит наш долг. Наш долг сегодня — призывать весь итальянский народ бороться за мир для Италии, для Европы и для всего мира. Такова наша цель сегодня. Но если завтра наша страна будет на деле увлечена на путь, ведущий к войне, нам также известно, в чем будет состоять наш долг. Ответом на империалистическую войну теперь является восстание, восстание в защиту мира, независимости и будущего страны».

* * *

Тольятти — один из крупнейших деятелей нашей эпохи. Он прекрасный оратор, замечательный публицист, умный стратег и тактик. Его величие в том, что он безгранично предан делу социализма, делу Ленина—Сталина, в том, что он полон неиссякаемой веры в силы рабочего класса, в том, что он неразрывно связан со своей партией.

В феврале 1942 года, когда Гитлер и Муссолини еще кичились своими победами, Тольятти писал: «Фашистская Италия — накануне банкротства». Тольятти доказывал, что, связав судьбу Италии с судьбой германского империализма, Муссолини обрек ее на катастрофу. Исторический путь Италии — это путь дружбы со славянскими странами. Тольятти глубоко анализирует итальянскую действительность. Кое-кому тогда казалось, что рабочий класс Италии окончательно разгромлен, задушен. Но Тольятти смело и открыто апеллирует к рабочему классу Италии.

«Как хлеб, как воздух и солнце, — пишет он, — необходимо рабочему классу Италии, чтобы все передовые элементы на больших и малых предприятиях страны, в центрах сельскохозяйственного пролетариата вышли из состояния пассивности, отказались от позиции выжидания и немедленно, со всей энергией и всеми силами принялись за восстановление подпольной антифашистской организации, которая в состоянии была бы подготовить, организовать и обеспечить руководство широким движением пролетарских масс города и села».

В апреле 1943 года в статье «Кризис фашистских верхов в Италии» он предвидит близкий конец Муссолини. И снова он обращается к рабочим Италии, которых призывает выполнить роль «авангарда всей нации, всей страны в битве против позорной фашистской тирании».

В 1944 году Тольятти возвращается в Италию. Рядом с ним становится когорта старых коммунистов — руководителей партизан, подпольщиков, бывших узников фашизма. С чего начинает Тольятти? Он приступает к собиранию сил партии, к строительству большой массовой партии рабочего класса. Партия — это основа основ. Время не ждет. Борьба Советской Армии за окончательный разгром немецкого фашизма развертывается с нарастающей силой. Тольятти организует массы для участия в войне против фашизма. Но ни на один час он не забывает важнейшей задачи: строительства партии.

Начинается поистине страдная пора. В стране хозяйничают английские и американские войска, которые не дают рабочему классу и трудящимся Италии проводить в жизнь серьезные социально-экономические преобразования. Земля на юге остается у помещиков, предприятия — у фашистских владельцев.

Положение не изменяется и после окончания войны. В стране продолжают оставаться американские оккупационные войска, которые всячески тормозят антифашистский, демократический под'ем масс. Но коммунистическая партия растет. В ее рядах уже свыше миллиона человек. Эта цифра увеличивается, она достигает двух миллионов. Тольятти всячески старается способствовать антифашистскому под'ему масс. Он работает над укреплением единства рядов рабочего класса. Единый фронт с социалистической партией, созданный еще до войны, становится более прочным. Тольятти входит в правительство. Американские империалисты, внутренняя реакция, Ватикан усиливают борьбу против коммунистической партии. По требованию американской реакции коммунистов устраняют из правительства. Вместе с коммунистами из правительства уходят и социалисты. Но к этому времени численность партии уже превышает два миллиона. Во Всеобщей итальянской конфедерации труда — семь миллионов рабочих и служащих.

Верный учению Ленина—Сталина, Тольятти борется за укрепление союза рабочего класса и крестьянства, за создание широкого народного демократического фронта.

Еще свежо в памяти сражение, которое дал Народный демократический фронт международной реакции на парламентских выборах в апреле этого года. Все силы международной и внутренней реакции ополчились против итальянской демократии. Тольятти во главе партии и Народного демократического фронта вступает в бой с силами реакции. Он неутомим. Многие сотни тысяч людей слушали в те дни метко разящие, полные огня, пронизанные революционной страстью выступления Тольятти. Каждое его выступление разит де Гаспери и министра внутренних дел Шельба, клеймит их бесчестные методы подготовки выборов по «американскому образцу», выборов, которые были проведены для того, чтобы исказить волю народа.

Выборы кончились. Партия де Гаспери, поистине не брезгуя ничем, добилась большинства. Но американская реакция весьма вяло славит победу. Да и победа ли это? После всех запугиваний, провокаций, шантажа, темных махинаций у избирательных урн, после всего этого за Народный демократический фронт было подано восемь миллионов голосов. Это самая активная часть народа. Это большинство рабочего класса, крестьянская беднота, передовая интеллигенция. Недаром Тольятти так мужественно и упорно работал над строительством партии.

* * *

Враги ненавидят Тольятти, они боятся его, как боялись его учителя — Антонио Грамши, с которым он вместе, начиная с 1919 года, воздвигал и укреплял Коммунистическую партию Италии. Когда Грамши после установления фашистской диктатуры выступал в итальянском парламенте, всесильный тогда Муссолини вытягивался вперед и, прикладывая руку к уху, старался возможно более явственно разобрать, что говорил своим слабым голосом больной Грамши. И когда Грамши умирал в 1937 году в больнице при фашистской тюрьме, возле него денно и нощно дежурили тюремщики.

Даже враги вынуждены признать огромные и разносторонние дарования Тольятти. Английские и американские журналисты называют его самой сильной головой современной Италии. «Однажды в в звездную ночь, — писал в американском журнале «Сатердей ивнинг пост» его редактор Бесс 17 января 1948 года, — я слушал выступление Тольятти перед 30-тысячной толпой римлян, теснившихся на старинной площади города. Через рупоры громкоговорителей достигал каждого уголка огромной площади его голос, звучавший мягко, ясно, спокойно и мелодично. Тольятти безусловно является сейчас лучшим оратором в Италии... Логически сформулированные аргументы Тольятти часто приковывают внимание даже тех людей, для которых его слова неприемлемы. На этот раз слушатели встретили горячими аплодисментами его слова о том, что крупнейшая партия Италии — христианско-демократическая — работает за миллионы американских долларов и что «эмблемой этой католической партии является не христово распятие, а крест, который должен нести народ!»

Другой американский журналист в марте 1948 года в журнале «Лук» писал о Тольятти: «Многие считают его самым острым политическим умом в Италии, если не во всей Западной Европе». Этот журналист уверяет, что видел Тольятти совсем близко и что он человек «могучего телосложения». Тольятти — человек нормального телосложения, но у страха, видимо, глаза велики.

Кто повинен в злодейском покушении на Тольятти? Его травила вся международная реакция, начиная от Государственного департамента США и кончая правым социалистом-раскольником Сарагатом. Не так давно Государственный департамент США опубликовал для «всеобщего сведения» список руководителей компартий. Это был своего рода адресный указатель для всех контрреволюционных террористов, для всех разведок. В этих списках Государственный департамент США, разумеется, не преминул указать имя Пальмиро Тольятти. Всего за два дня до покушения на Тольятти газета Сарагата «Уманита» поместила передовую статью Карло Андреони, в которой призывала к расправе над Тольятти и к расправе «не метафорической». Полную ответственность за покушение на Тольятти несет правящая христианско-демократическая партия, главная американская партия Италии.

* * *

Рабочие и все остальные трудящиеся Италии любят своего вождя Пальмиро Тольятти. Уже через час после того, как стало известно о покушении на Тольятти, стихийно прекратили работу пролетарии Рима, Милана, Генуи, Флоренции, Болоньи, Неаполя и других городов Италии. Это было еще за несколько часов до того, как собралось руководство ВИКТ, вынесшее решение о всеобщей стачке протеста против покушения на Тольятти, против разгула реакции в стране. На этот раз реакция не может даже прибегнуть к своему излюбленному клеветническому утверждению, будто каждая стачка инспирируется «Коминформом», как она обычно называет Информационное бюро компартий.

Рабочий класс Италии демонстрирует в эти дни искреннюю любовь и преданность своему вождю, решимость бороться до победы за подлинную демократизацию Италии.

С большим волнением ждут трудящиеся Советской страны, трудящиеся всего мира очередной бюллетень о состоянии здоровья Тольятти. Они от всей души желают быстрого возвращения в строй любимого товарища и друга, вождя рабочего класса и трудящихся Италии, верного ученика Ленина и Сталина — Пальмиро Тольятти.

И. ЛАПИЦКИЙ

ЖЕСТ ОТЧАЯНИЯ

Демократы сделали «жест отчаяния»: кандидатом в президенты выдвинут Гарри Трумэн.

Несмотря на все потуги и обычные для американских буржуазных партий демагогические приемы и шумиху, заправилам с'езда так и не удалось рассеять атмосферу уныния и глубокого пессимизма, в которой проходил с'езд. «Апатия», «подавленность», «полусумасшествие», «уныние», «пессимизм» — вот слова, которыми пестрили отчеты американской печати, посвященные работе с'езда.

По уверению некоторых американских журналистов, делегаты выглядели, как родственники на похоронах, а в помещении партийного руководства царила траурная атмосфера. Чем об'яснить такое уныние?

Последние месяцы характеризовались отчаянными попытками партийных лидеров и стоящих за их спиной монополистов найти возможно более солидного и «беспроигрышного» кандидата в президенты.

Большие надежды в этом смысле возлагались на бывшего начальника штаба американской армии генерала Эйзенхауэра. Ставку на Эйзенхауэра вместе с партийными «боссами» делали некоторые финансовые магнаты, не пожалевшие средств для развертывания широкой кампании в его пользу. Однако план выдвижения кандидатуры Эйзенхауэра не удался. Видимо, сам Эйзенхауэр, под давлением влиятельных кругов, поддерживающих Трумэна, предпочел спокойное место президента Колумбийского университета весьма беспокойному участию в борьбе за место в Белом доме, да еще во главе такой неорганизованной, разобщенной, а главное, изрядно растратившей свой политический капитал партии, как современная демократическая партия США.

Отказ Эйзенхауэра, а затем и члена Верховного суда Дугласа, который мог бы сыграть роль «либерала» с целью отвлечь голоса рабочих и других прогрессивных избирателей от «третьей партии» и ее кандидата Уоллеса,—по сути дела лишил политиканов из демократической партии возможности выбора; таким образом, выдвижение кандидатуры Трумэна было фактически предопределено. Плакаты с изображением Эйзенхауэра пришлось снять. Но никто при этом не позаботился расклеить плакаты с портретами Трумэна или заняться раздачей значков с его изображением, как это всегда бывает в такие дни.

Комментируя настроение делегатов с'езда, журналисты братья Олсоп писали в день его открытия: «У угрюмых и подавленных делегатов с'езда имеется только лишь одно очевидное общее чувство — недовольство президентом... Трумэн просто оказался слишком маленьким человеком, чтобы сплотить внутри демократической партии элементы, придерживающиеся различных взглядов».

Именно эти настроения были выражены в шутливой форме двумя делегатами, сочинившими такую песенку:

На ферму Гарри мы пошлем,
В его родной удел,
Пока он нам не натворил
Еще похуже дел.

Подобные нелестные характеристики нынешнего кандидата демократической партии появлялись во время с'езда не только на страницах таких газет, как «Нью-Йорк геральд трибюн», считающейся рупором руководящих кругов республиканской партии, но и в таких газетах, как «Нью-Йорк таймс», тесно связанной с партийным аппаратом демократической партии. «Если Трумэн в настоящее время и добьется выдвижения своей кандидатуры, — писала «Нью-Йорк таймс», — то это произойдет потому, что никто ему не противостоит, а вовсе не потому, что он представляет выбор большинства делегатов с'езда».

* * *

Что касается самого Трумэна, то он всячески давал понять, что непрочь остаться еще на четыре года в Белом доме и даже повести за это борьбу, чтобы не считаться случайным гостем в резиденции президента США. Само собой понятно, что в этом стремлении Трумэн опирался на весьма влиятельные финансовые и промышленные круги, с которыми он сумел установить достаточно тесную связь за время пребывания в Белом доме.

Для осуществления поставленной цели Трумэн недавно предпринял довольно шумное турне по стране в специальном поезде. Хотя президент и утверждал, что его поездка вовсе не имеет политического характера и представляет собой скорее нечто вроде маленького «пикника», все же он при каждом удобном случае произносил политические речи, в которых весьма резко нападал на своих противников, демагогически критиковал конгресс и не скупился на всякого рода типично предвыборные обещания.

На какие только уловки не пускался претендент на президентский престол, чтобы привлечь к себе внимание избирателей! Сопровождавшие его корреспонденты, захлебываясь от удовольствия, описывали даже, как в штате Айдахо уже немолодой президент решился совершить захватывающее дух путешествие по воздуху, но не на самолете или дирижабле, а... в кресле вагончика воздушно-канатной дороги. «В прошлом кандидаты в президенты надевали головные уборы индейцев, целовали младенцев и посещали собрания «братских организаций» довольно темного происхождения, — писал по этому поводу корреспондент «Чикаго сан энд Тайм», — но такого случая еще не бывало».

* * *

Национальный с'езд демократической партии продемонстрировал перед всем миром глубокий кризис, переживаемый в настоящее время этой партией. Демократы, которых Франклин Рузвельт четыре раза подряд успешно вел к победе на выборах, стали катастрофически быстро терять свое влияние в связи с тем, что Трумэн и его окружение окончательно капитулировали перед магнатами Уолл-стрита. Наиболее прогрессивные элементы, оставшиеся верными рузвельтовской программе, решительно отмежевались от политики Трумэна и открыто примкнули к Генри Уоллесу и к возглавляемой им антимонополистической «третьей партии».

Все, что осталось от прежней демократической партии, — это разобщенные, разнородные, враждующие между собой группы, которых Трумэн, по общему мнению, об'единить не в состоянии.

С тяжелым грузом приходит к выборам демократическая партия. Несмотря на все попытки ее представителей оправдать свою собственную политику в глазах широких масс избирателей и всячески опорочить политику республиканцев, в США с каждым днем становится все меньше людей, которые не видят, что обе партии руководствуются в своей практической деятельности одними и теми же интересами — интересами монополистического капитала. Тщетно пытались Трумэн и его сподручные использовать с'езд для того, чтобы убедить избирателей, будто во всех трудностях и провалах повинен кто угодно, но не демократы. Кому в США не известно, что программа империалистической экспансии проводилась и проводится на так называемой двухпартийной основе, что доктрина агрессивной внешней политики была заслуженно названа «доктриной Трумэна», что план закабаления Европы не случайно окрещен именем нынешнего государственного секретаря Соединенных Штатов, что «атомная дипломатия» разработана теми самыми главарями демократической и республиканской партий, которые рядятся теперь в тогу миротворцев, стремясь обмануть избирателей.

Напрасно пропагандистские агенты из демократической партии думают, что предвыборной шумихой и демагогическими разговорами о необходимости отмены кабального закона Тафта — Хартли можно заставить американский народ забыть о том, кто же в действительности подавлял забастовки железнодорожников и горняков, кто не только не препятствовал введению пресловутого закона Тафта — Хартли, но и усердно проводил его в жизнь.

Широкие массы избирателей не могут забыть и о целой серии законодательных мероприятий, превращающих США в полицейское государство, точно так же, как они не могут забыть о личном приказе президента, которым введены драконовские меры, связанные с проверкой «лойяльности» миллионов государственных служащих.

Столь же демагогическими выглядят предвыборные рассуждения президента о так называемых «гражданских правах», если сопоставить эти рассуждения с конкретными делами — с фактическим саботажем нынешним правительством и республиканским конгрессом отмены расовой дискриминации, с отказом органов юстиции принять какие-либо действенные меры против линчевания негров.

Чувствуя свою слабость, сознавая свою непопулярность, главари демократической партии решаются на «жест отчаяния». Они делают ставку на Трумэна, надеясь, что путем использования контроля над партийным аппаратом, и, что еще важнее, путем использования сохраняющейся пока в руках Трумэна президентской исполнительной власти ему удастся на протяжении почти четырех месяцев, оставшихся до дня выборов, совершить ряд демагогических маневров и тем самым повысить избирательные шансы демократов. В этом свете и следует рассматривать новый маневр президента, решившего в пожарном порядке созвать специальную сессию конгресса для рассмотрения ряда законопроектов, связанных с демагогическими предвыборными обещаниями обеих партий.

Можно, однако, заранее сказать, что вся эта затея не даст ее инициаторам ничего, поскольку ни одна из двух партий, стоящих на страже интересов крупных монополий, не способна и по-настоящему не стремится провести какие-либо серьезные демократические реформы в интересах американского народа.

Новый маневр Трумэна, являющийся типичным дешевым и притом запоздалым предвыборным трюком, как и вся его программа «гражданских свобод», рассчитаны на то, чтобы поставить в затруднительное положение своих республиканских соперников и в то же время попытаться отвлечь голоса от крепнущей коалиции прогрессивных сил, сплачивающихся вокруг программы мира и демократии.

Но обманывать широкие массы американских избирателей дешевыми демагогическими приемами и посулами становится все труднее, особенно в условиях роста и укрепления новой народной, демократической, антиимпериалистической коалиции в США, смело бросающей вызов лагерю реакции и поджигателей войны.

Фашист во главе сенатской комиссии

Бывший помощник генерального прокурора США Рогге на заседании сенатской комиссии по изучению законопроекта Мундта, предусматривающего запрещение коммунистической партии в США, заявил, что «Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности» с первого дня ее существования возглавляют только профашистски настроенные члены конгресса: Дайс, Рэнкин, Вуд и, наконец, теперь Томас. Неудивительно, что на протяжении всех одиннадцати лет «работы» комиссии она занималась только преследованием прогрессивных организаций и граждан, но упорно не обращала внимания на фашистов, хотя ей неоднократно на них указывали.

На основе неопровержимых документов Рогге доказал, что председатель комиссии Томас в прошлом — член фашистской террористической организации Ку-клукс-клан. Рогге дважды требовал, чтобы Томас был вызван на этом основании для допроса, но ему дважды в этом отказали. Очевидно, сенатская комиссия солидаризируется с заявлением Рэнкина о том, что «Ку-клукс-клан — стопроцентно-американская организация», хотя она и значится на одном из первых мест в списке «подрывных организаций», опубликованном не так давно генеральным прокурором США.

Вся «свободная» американская печать, конечно, обошла заявление Рогге полным молчанием, несмотря на то, что ею было уделено немало места работе сенатской комиссии в тот самый день, когда там выступал Рогге.

Фашист-ку-клукс-клановец, стоящий во главе комиссии по расследованию «антиамериканской деятельности»,—можно ли представить себе более яркий образчик всей «демократии доллара» в целом!

Т. ГИЛЯРЕВСКАЯ

ПЫТКА ГОЛОДОМ

Греческие монархо-фашисты, взбешенные провалом всех своих военных «походов» против демократической армии, пытаются взять измором население деревень или городов, подозреваемое в сочувствии генералу Маркосу. Фашисты блокируют мирное население этих городов и деревень и пытаются уничтожить греческих патриотов костлявой рукой голода.

Американский радиокомментатор Роберт Сентджон опубликовал в ежемесячном журнале «Мэгезин—48» статью, в которой рассказывает о трагическом положении сорока шести деревень в районе Янины с общим населением примерно в 40 тысяч человек. «Более половины этих деревень, — сообщает Сентджон, — было полностью лишено всякого продовольственного снабжения. Девятнадцать из них не получали продовольствия в течение пяти месяцев, две—в течение полугода. Их морили голодом из политических соображений».

В Афинах Сентджон видел весьма необычную карту Греции. Она была испещрена красными точками, и каждая такая точка обозначала город или деревню, население которой монархо-фашистские власти намеренно обрекали на голодную смерть.

В округе Элассон было блокировано 45 деревень из 51, в Гревене — 93 деревни из 105. Роберт Сентджон посетил одну такую деревню Асвестарио, которая находилась в кольце голодной блокады 10 месяцев.

Населению блокированных деревень запретили кроме того производить рубку леса и лишили его, таким образом, не только продовольствия, но основного источника заработка!

Из последней почты

С НЕКОТОРЫМ ОПОЗДАНИЕМ...

В вышедшем на-днях первом (третьем) номере журнала «Вопросы философии» помещен небезынтересный материал информационного характера.

«В июне текущего года, — говорится в заметке «От редакции», — вся советская страна и всё прогрессивное человечество отмечали столетие со дня смерти великого русского революционного демократа и мыслителя Виссариона Григорьевича Белинского. Статьи, посвященные Белинскому, редакция предполагает дать в № 2 (4) журнала за 1948 год. В силу ряда обстоятельств выход второго номера несколько задержался, поэтому столетие со дня смерти Белинского будет отмечено в нашем журнале с некоторым опозданием».

Что же узнает читатель, прочтя этот плод коллективных усилий уважаемой редакционной коллегии?

Во-первых, читатель узнает, что редакция журнала «Вопросы философии» оказалась позади прогрессивного человечества, что совершенно не к лицу журналу, призванному быть в первых рядах именно прогрессивного человечества.

Во-вторых, читатель так и не знает, будет ли в следующем номере журнала материал о В. Г. Белинском, так как редакционная коллегия такой материал только «предполагает» напечатать. А читателю известно, что «предположенное не всегда сбывается» (В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, том 3, стр. 1012).

Кажется противоестественным, когда солидные люди, допустив в работе серьезный промах, делают вид, как будто бы ничего не случилось.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации и отдел писем — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—02622